

Михаил Долгополов

О

тех,

кого я полню

и люблю

Михаил Долгополов

О тех, кого я помню и люблю

Шадринск
2013

ББК 84Р7-5

Д64

Долгополов М. В.

О тех, кого я помню и люблю. Сборник стихов. – Шадринск:
Изд-во ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2013. – 114 с.

ISBN 978-5-7142-1543-8

Долгополов М. В., 2013

ОБ АВТОРЕ

Родился в 1956 году в воинской части, поддерживающей мир и покой в одной из стран социалистического содружества. Однако записан по месту, где согласно бумагам дислоцировалась воинская часть – деревня Ягунино, Звенигородский район, Московская область. Так было сделано, чтобы не нарушать секретность. Отец будущего артиста служил в спецподразделении, подчинявшемся Комитету госбезопасности.

Детство и юность провел в Баку, самом музыкальном городе мира. Там и приобщился к искусству игры на гитаре. В пятнадцать лет сколотил из родственников бит-квартет «Четыре брата». Специального музыкального образования не имеет. Пик музыкальной карьеры группы – 1 место на Бакинском конкурсе подростковых вокально-инструментальных ансамблей.

В Сургут попал случайно. Билетов в Норильск не было, единственное северное направление – Сургут.

Первую песню написал 31 октября 1988 года. Песня посвящена двоюродному брату, погибшему в канун армяно-азербайджанской войны.

Около десяти лет был солистом в Сургутском городском оркестре.

Первая победа пришла в 1997 году на фестивале «Эхо войны» в Ханты-Мансийске, песня «Птенцы» завоевала первое место. Несколько лет спустя, песня «Эхо войны» получила гран-при на одноименном фестивале и стала гимном Всероссийской общественной организации ветеранов войн «Боевое братство».

В 2004 году на дне города исполнил «Гимн Сургуту» собственного сочинения.

В начале 2006 года выпустил первый альбом «Игры с огнем». В него вошло 15 песен военно-патриотической тематики. Альбом посвящен ветеранам Афганистана, Чечни и сотрудникам МВД, служившим в «горячих точках». Презентация альбома прошла в Кремле.

2008 г.

«Привет, сестренка. Конечно, я не против, чтобы мои песни слушали. Я даже очень рад, что нашел столько поклонников. На эстраду пробиться очень сложно в нашей стране. На сцену лезет всякая дрянь без голоса и таланта, но у них есть деньги. Мне в Москве сказали в открытую. Пишешь ты хорошо, но сиди в своем Мухоморанске и не дергайся. Может после смерти твоим именем назовут одну из улиц и будь доволен.

Из воли и страстей, не лучше и не хуже,
Ни мал и ни велик, и в общем, не дурак,
Такой же как и все, не супермен к тому же,
Но быть на острие и жить не кое-как
Велел мне Бог, и я, преграды разрушая,
Врываюсь в каждый день с щитом иль на щите,
И самого себя я каждый миг ровняю
По тем, кто не желал остаться в темноте.
По тем, кто ввысь взлетал, собою увлекая,
Горящие сердца звенящею струной,
И кто ушел сгорев, аккордом воздвигая
Огромный монумент над спящею страной.
Я в окна к вам стучал, и вы мне говорили:
Куда тебя несет, останься, пропадешь!
Спасибо за ночлег, за то, что напоили,
Но тихий омут жизнью вряд ли назовешь.
И я лечу, пишу и губы в кровь кусаю,
И группой первой вновь пропитан белый лист,
Мне нужно все иль ничего, полутонов не знаю!
Взлететь – взлечу! Сгореть – сгорю!
Ведь я – максималист!

Вот так и живу. Трудно, но весело. Целую всех вас, родные мои. Ваш Миша.»

ПЕРЕДО МНОЮ ЧИСТЫЙ ЛИСТ...

Передо мною чистый лист бумаги,
Вот взять бы карандаш и написать
Про совесть, про любовь, про передряги,
Про братьев, про войну, про баб, про мать...
Про корабли, что шли под парусами и,
Пробиваясь сквозь тугую мглу,
Порой себя выдерживали сами
Из шторма, или про иглу,
Вонзавшуюся в вену с диким скрипом,
Тебя провозглашая королем...
Иль про безногих пацанов безликих,
Стоящих за заслуженным рублем?
Или про дядю в модном смокинге, который
О демократии и чести так речист...
О солнце, доме, о родном просторе...
Не знаю... предо мною чистый лист.

29.09.2007 г., 01ч. 30 мин., Сургут.

ДЕРЕВЕНЬКА

От паров бензина к трелям соловья
В старую деревню убегаю я.
Домик над рекою и по крыше дождь.
— Что ж ты, деревянная, меня не узнаешь?

На крыльце убогом уж который год
Детство босоное на побывку ждет,
Чтобы за околицу увести с собой,
Где стоит березонька, посаженная мной.

Где звенят гитары чуточку не в лад,
Где о клене старом напевает брат,
Где Танюшка — кнопочка, школьная любовь,
Звон цепи колодезной, запах пирогов.

— Отчего ж ты, милая, плачешь над рекой?
Это ж я приехал, сын пропавший твой,
Или не признала взрослого меня,
Нянька деревянная, бабушка моя?

МАМА

Ты присядь, отдохни у колодца с ведром,
Я ковшом зачерпну родниковую правду.
У дороги притих старый маленький дом,
Я, конечно, вернусь, не печалься, не надо.

Мама, мамочка, я от лишений устал,
И суставы болят, но твердишь ты упрямо,
Невозможно прожить невпопад, просто так,
Нужно лес перейти, чтобы встать на поляну.

Снег забелит виски, дождь умоет в пути,
Солнце травы сожжет, слезы высушит ветер,
Но от этого нам никуда не уйти,
Не забыть свой причал, самый добрый на свете.

Осень желтым листком упадет на погост,
Отразится печаль в черном круге колодца.
У родного крыльца, как непростенный гость,
Ты услышишь с небес – что ушло, не вернется.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

По ступенькам забытых волнений
К тебе поднимаюсь,
Из сомнений напрасных рюкзак
Молча брошу у ног.
Это я с дальних странствий к тебе
Насовсем возвращаюсь,
За плечами оставив позор бесполезных дорог.

Посмотри мне в глаза, как жила без меня,
Чем дышала,
Под рукою тепло, на клеенке знакомый разрез,
Ну куда ж я бежал, неужели
Мне этого мало,
Что искал я в пути, для чего
В дебри темные лез!

Пой, гитара моя, я вернулся,
Все в полном порядке,
Все у нас хорошо, и друзья
Собрались за столом.
Весь свой пройденный путь
Извлеку из походной тетрадки,
Вспомним первые песни мои
И тихонько споем.

Вы простите, друзья,
Но уж видно такой я беспутный,
Возвращаюсь сюда, чтоб
Назавтра по-новой уйти,
Не удержит меня никакой уголок уютный,
Я вернулся, встречай,
А наутро я снова в пути.

ДОРОГА

Погожим утром ранним, в краю, забытом Богом,
От домика, что с краю, прорезалась дорога,
Да не дорога вовсе, а так себе, тропинка,
Веселая и добрая, тропинка-невидимка.

За старую деревню тропинка устремилась
И там, в высоких травах, в дорожку превратилась,
Двенадцать долгих весен в полях она плутала
В стремлении к простору большой дорогой стала.

А вот и перепутье, и горизонтов дали,
Не сбиться б, не свернуть бы, пройти через завалы,
И вот, когда ущелье сменили косогоры,
Пересекли дорогу колючие заборы.

И три зимы жестоких рвалась она на волю,
Рвалась к огням далеким, к тропинке в чистом поле,
И вышел срок, на волю распахнуты ворота,
Три трещины глубоких легли у поворота.

Шоссе дождем умылось, асфальт как отутюжен,
В путь дальний устремилось, туда, где снег, где стужа.
И в том краю, где небо с землею затерялось,
С такой же одинокой дорогой повстречалось.

И стали магистралью две белых параллели,
Проходят даль за далью, сквозь выюги, сквозь метели,
А рядышком тропинка пробилась под снегами,
Тропинка-невидимка, начало магистрали.

ДЕВОЧКА

Ночь прошла, была и нет, звезды – сахар колотый,
Над тобой встает рассвет, голубое с золотом.
Рыба в холодильнике, ножики, тарелочки,
Тик-тик-так будильники, спит родная девочка.

Наступает новый день, заводные хлопоты,
Здесь успеи, туда успеи, пропади всё пропадом.
Шепчется и плачется, басенки-припевочки,
В платьице, без платьица озорная девочка.

Год сменяет новый год, сын или дочь – забота нам.
Очарованность идет, посмотри-ка, вот она.
Стрелка переводится с зимнего на летнее,
В дверь стучится модница – совершеннолетие.

И пошли за горизонт паренек да девушка.
Двое спрятались под зонт – бабушка и дедушка.
Ты, кукушка на суку, брось в судьбу заглядывать
И последнее «ку-ку» не спеши загадывать.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спят солдатики, кубики, книжки,
Ходит дрема в обнимку со сном,
Спит в кроватке спокойно сынишка,
Размышляя о чем-то своем.

Ты в кроватке своей, как котенок,
Спишь, игрушку зажав в кулачок,
— Спи, мой маленький медвежонок,
Баю-баюшки, барсучок.

Пусть в судьбе твоей будет все гладко,
Пусть обида пройдет стороной,
А пока ты зеваешь так сладко
И вздыхаешь совсем как большой.

Может, ты уплывешь в океане,
Может, к дальней звезде улетишь.
Только знай, что для нас ты желанный,
Ты во все времена наш малыш.

Смотрит звездочка в синем окошке,
В декабре ветер-гулена храпит,
Ты лежишь, под щекою ладошка,
Пусть судьбу твою ангел хранит.

Будет путь твой и светел, и долог,
Будет холод и зной нипочем,
— Спи, наш маленький медвежонок,
Баю-баюшки, барсучок.

СТАРЫЙ ПАРК

Желтый лист упал прощаясь,
Не вернуть тепла бывшего.
На скамейке в старом парке,
У погасшего костра
Мы сидим, сжигая свечи,
Уходящей жизни нашей.
Добрый вечер нам на плечи
Листопадом, снегопадом.
С бугорка рукою машет
Детство наше и судьба.

Здесь звучал вальсок старинный
На площадке танцевальной.
И девчонки в платьях балльных
Шли по лужам босиком.
Повзрослевшие мальчишки,
За дымком скрывая взгляды.
За спиной букеты пряча,
Поджидали за углом.

Годы вихрем пролетели,
Раскидали, разбросали
Одноклассников по свету
В даль от школьного двора...
Но однажды в старом парке
Поседевшие мальчишки,
Одноклассницы-старушки
Соберутся у костра.

СЕРЕЖКА

Мы не так уж с тобой были схожи,
Даже ссоры бывали порой.
До обидного редко, Сережа,
Мы встречались, братишка, с тобой.
Что ж теперь говорить понапрасну,
Что имеем, порой, не храним.
Нет тебя, свет юпитеров гаснет,
Красок нет за туманом седым.

Никогда не бывать тебе старым,
Даже тридцать не стукнет, Сергей,
Вот таким молодым и с гитарой,
Знал тебя Макаревич Андрей.
До сих пор он поёт свои песни,
Жизнь — ключом и забот полон рот,
Но о смерти твоей и о чести,
Я уверен, он тоже споёт.

Твой учитель и друг Эсамбаев
Отводил от афиш старых взгляд,
Говорил он: «Ведь так не бывает!
Чтоб таких убивали ребят».
И в оркестре застынут литавры,
Затуманится взор фонарей.
Тихо дрогнет струна бас-гитары,
Прав он. Так не бывает, Сергей.

Ты сидишь за столом рядом с нами,
Ты на сцену выходишь со мной.
В зал смотрю я твоими глазами,
В микрофоне звучит голос твой.
Некрологи пускай утверждают,
Что оттуда пути нет назад.
Нет, Серёженька, так не бывает.
Я не верю! Ведь я — старший брат.

ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТУ

Зимнею порою мирно дремлют лужи,
Где-то за рекою вертолетик кружит,
Он упал в Кабуле, да кому он нужен.

За другой рекою мальчик с АКЭМом,
Не успел он даже внука сделать деду,
Но уж не приедет, не отпустят сербы.

И в горах бакинских эти же мальчишки,
Заменив затишье на каски на шинели,
В «цинках» возвращались не дойдя до цели.

Пацаны уходят в лапы смерти липкой
И с Чечнею спорят, да Россия стонет,
Я же рюмку выпью и запью слезою.

Так за что же пьешь ты, увалень мордастый!
Пушечные виски заедаешь мясом,
Ведь в твоём стакане кровь мальчишек наших.

Никогда б, ребята, я не спел про это,
Стыдно за Россию и за президента.
Столько в мясорубке нашего народа!
И еще мне жалко нищих в переходах.

12 СТРОК

На дне сундука аккуратно лежит
Конверт, а в конверте листок,
Берет голубой и короткая жизнь
В письме из 12 строк.

Привет из Афгана! Я жив и здоров.
Служу, выполняя свой долг,
Навряд ли вместить всю сыновью любовь
В письме из 12 строк.

С ответом летит материнская грусть:
— Скорей возвращайся, сынок.
Братишка читает друзьям наизусть
Письмо из 12 строк.

С усмешкою смотришь на нас со стороны,
Вот стопка и хлеба кусок,
Тебя «грузом 200» вчера привезли,
Ну, как же так вышло, сынок?

Мы так ждали, уж не было сил,
И службы закончился срок.
Но ты пацана в тот кишлак не пустил,
Ну что ж ты наделал, сынок?

Прости стариков, ты всегда был упрям,
Прости, ты иначе не мог.
За что ж воевал, ты скажи старикам.
Чью правду искал ты, сынок?

Мы будем решать все вопросы с тобой,
Ты старший без срока, сынок.
Листок пожелтевший, берет голубой
И жизнь из 12 строк.

АФГАНЕЦ

Я его одного среди тысячи узнаю по открытому взгляду,
Он идет, словно цель снова ищет, словно вот они, духи,
рядом,
Словно вот они, духи, рядом.

А узнать его очень просто, он с неместным таким загаром.
Загорал он не в Сочи, ни в Хосте, а в аулах под Кандагаром.
Под Кундузом, под Кандагаром.

Взгляд не сводят с него красавицы, да не видит он этих взглядов.
Для него война продолжается и войну эту выиграть надо,
И войну эту выиграть надо.

Там, в Афгане все было четко, вот твой брат, он тебя прикроет,
А вон – душман, с ним базар короткий,
вспышка, пыль и Аллах с тобою,
Вспышка, пыль и Аллах с тобою.

Мы вернулись в страну разрухи, но гребешь ты против течения,
А вокруг снова духи, духи, ждут, что встанешь ты на колени,
Растоптать хотят твою совесть, ту, что пулей не оборвало,
Чтобы ты застонал от боли, чтоб души у тебя не стало,
И кричишь ты во сне благим матом:
– Духи слева, прикрой, Серега!
Проще было тебе в Афгане, эх, сейчас бы пройтись автоматом
Да короткими очередями по заплывшим и сытым рожам,
Что глумятся: – Афганец? Так что же?
Мы ж тебя туда не посылали!

Я его одного среди тысячи узнаю по открытому взгляду,
Он идет, словно цель снова ищет, словно вот они, духи, рядом,
Словно вот они, духи, рядом.

«ИКС ЧЕТЫРЕ»

Не знает никто в этом призрачном мире,
Прощенья прошу я у мам и отцов,
Четыре команды, позывной «икс четыре»,
Шестнадцать девчонок и пацанов.

Так дай мне напиться из кринки у хаты
И дай зачерпнуть мне малиновый звон.
Я, мама, вернулся, вернулись солдаты,
И братья мои собрались за столом.

Лежали в барханах четыре четверки,
Приказ – обезглавить в песках караван,
В единый щелчок сложились бы плетки,
Да вышла осечка, был умным душман.

Так дай мне напиться из кринки у хаты
И дай зачерпнуть мне малиновый звон.
Я, мама, вернулся, вернулись солдаты,
И братья мои собрались за столом.

Дай Бог не слышать никому в этом мире,
Как плакали горы, и вязли слова.
Те крики девчонок в ушах командира:
Граната под сердцем! Прощайте, братва!

Так дай мне напиться из кринки у хаты
И дай зачерпнуть мне малиновый звон.
Я, мама, вернулся, вернулись солдаты,
И братья мои собрались за столом.

Пришел я домой, жив, с подпиской молчанья,
И до сей поры я тащу этот крест.
Шестнадцать девчонок, шестнадцать признаний,
Шестнадцать ребят женихов и невест.

Так дай мне напиться из кринки у хаты
И дай зачерпнуть мне малиновый звон.
Я, мама, вернулся, вернулись солдаты,
И братья мои собрались за столом.

БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ

– Эй, прохожий, постой, задержись на минутку,
Вспомни нас, мы ведь тоже когда-то любили.
Мирный атом над нами сыграл злую шутку,
Объявив Хиросимой АЭС в Черной Были.

За спиною – Афган, я остался солдатом,
Мама, плакать не надо, не хмурься отец!
Мы летим успокоить взбесившийся атом,
Взяв билет добровольно лишь в этот конец.

Мы прошли этот путь, нас немного осталось,
Из горящих сердец возвели саркофаг,
Чтоб на этой земле и жилось, и дышалось,
Навсегда захоронен невидимый враг!

– Эй, прохожий, постой, задержись на минутку...

19.04.11 г.

КРИК

– Где же вы, ребята? Кто еще в живых?
Неужели вы забились в щели?
Где братишка, с кем делили дни войны
И глотали пыль в чужих ущельях?

Камни и зеленка, высадка и взлет,
Запах крови и колючий ветер.
Щекотливый страх. Пена на губах,
Алый флаг на голубом берете.

Как же быть теперь, если нету ног?
Хата и коляска милосердья.
Перерезан путь, и уж не шагнуть
В голубую бездну Чужеземья.

Может, я не прав, только очень жаль,
Что ушла война, где я был нужен.
Выжжена душа, стонет каждый нерв.
Боя просит. Тут в Союзе хуже!

Часто слышу: нет на нас креста.
Нас крестила смерть в горах Афгана.
Чем виновны мы? Десять лет войны.
Нас роднила пыль Афгана.

Плохо одному. Я привык к семье.
Я кричу: «Откликнитесь, ребята!
Вспомните меня. Напишите мне.
Ведь уйду, не предавайте брата!»

ТРЕТИЙ ТОСТ

Наливай-ка полнее стакан, лейтенант,
Я седой и живой, а они едут в цинке,
Хоть ты и лейтенант, все равно ты – пацан,
После первой войны пьешь со мной на поминках.

Это твой первый бой, ну, а мне не впервой.
Здесь, за этой рекой, даже камни стреляют.
Понял ты, лейтенант, кто есть друг, а кто враг.
И усвоить успел, на войне убивают.

Привет.

В небо взлетает «Черный тюльпан»,
Цинковый в небо уходит десант,
Из Пакистана идет караван,
Не надо зубами скрипеть, лейтенант.

Ты в горах уцелел, а вот Сашка – сгорел,
И Сереге теперь не сыграть на гитаре,
И еще семерым извещенья родным:
– Исполняя свой долг был убит в Кандагаре.

Третий тост, лейтенант, за ушедший десант,
Нет, тебе повезло, не контужен, не ранен.
Наливай за живых, за ребят боевых,
И за то, что нас вместе связало в Афгане.

Привет.

В небо взлетает «Черный тюльпан»,
Цинковый в небо уходит десант,
Из Пакистана идет караван,
Не надо зубами скрипеть, лейтенант.

Наливай-ка полнее стакан, лейтенант,
Я седой и живой, а они едут в цинке,
Хоть ты и лейтенант, все равно ты – пацан,
После первой войны пьешь со мной на поминках.

НЕ БЫВАЕТ ВОЙНЫ БЕЗ ПОТЕРЬ

В мирный дом, не просясь, постучалась
И задернула все зеркала,
В книге черным крестом расписалась,
Постояла и дальше пошла.

Рикошетом над миром взлетает
Мамин шепот: «Что ж делать теперь!»
«Не бывает войны без потерь».

Под звонок серебристый, веселый
Побежит в сентябре детвора,
Назовут твоим именем школу,
Что окончил ты позавчера.

Ты ушел, защищая Отчизну,
За мальчишку в соседнем дворе,
Ради жизни ребят на земле.

И на тех, кто в разборках бандитских,
Кто иглу уважал и стакан,
Мы глядим с высоты обелисков,
С высоты седины наших мам.

Мирный день по планете шагает,
Пусть без нас, что же делать теперь!
Не бывает войны без потерь.

6.09.2011 г., 2 ч. 56 мин.

ФРОНТОВЫЕ ПОДРУГИ

Посвящается Тверетиной

Фронтовые подружки, снова чарка по кругу.
Про былые заслуги говорят ордена.
Вы по-прежнему наши Веры, Нади, Любаши,
Да вот только виски забелила война.

В небесах под Москвою: – Командир, я прикрою!
И летит подо мною золотая страна,
Надо мной черный ветер, под крылом
 черный «МЕССЕР»,
Уходила в бессмертье ни вдова, ни жена.

В полевых медсанбатах, в милосердных халатах,
Где в орлянку играла смерть кровавой косой,
Окровавленной ночью, над истерзанным в клочья,
Ты кричала мальчишке: «Потерпи, мой родной!»

Вижу цель в окуляре, да ведь он чей-то парень,
И, наверное, мама там, в Германии, есть,
Ты пришелец из ада и не будет пощады,
Ты пришел к нам на землю и останешься здесь.

Фронтовые подружки, снова чарка по кругу.
Про былые заслуги говорят ордена.
Вы по-прежнему наши Веры, Нади, Любаши,
Да вот только виски забелила война.

ДВАДЦАТЬ ДВА

– Привет, Петрович, старый друг.

– Здорово, старшина.

– Сегодня праздник, мы с тобой

Наденем ордена.

– Да, обещали пацаны

Заехать через час.

Те пацаны, что в дни войны,

Одним огнем опалены,

Сопровождали нас.

– А у Семеныча, слышал, сынок попал в Афган,

Недавно топал в детский сад, а нынче – ветеран.

Он в двадцать два пришел, поверь, и весь как лунь седой.

– Себя-то вспомни, старый пень,

каким ты был в тот майский день,

Когда пришел домой.

Вся грудь в медалях, в орденах, и тоже в двадцать два,

Виски седые, что отец тебя узнал едва,

Ты до Берлина дошагал, а я не дотянул,

Валялся по госпиталям, хлопот добавил докторам

И рвался на войну.

– Мои внучата-близнецы, Володька и Юрок,

Вчера вернулись из Чечни, окончен службы срок.

С металлом сверху и внутри, седая голова.

Со смертью рядышком прошли, Отчизны знамя пронесли

И тоже в двадцать два.

Дым коромыслом, стол накрыт, в ночи курантов бой.

Сидят плечом к плечу бойцы – ровесники трех войн.

И вспоминают дни войны, Берлин, Чечню, Афган.

В плену военной седины сидят защитники страны

И каждый ветеран.

И вспоминают дни войны, у всех своя война.

В плену военной седины сидят защитники страны

И всем по двадцать два.

г. Сургут.

ЭХО ВОЙНЫ

Далеко-далеко за рекой затерялся кровавый Афган.
Я шагаю гражданский такой, и зовусь я теперь ветеран.
Дом, работа, поход по друзьям, мокну, мерзну, топчу листопад,
Да вот только кричу по ночам, да только раны на дождик болят.

И сегодня в едином строю, дорогие мои ветераны,
Я стою, чтобы память свою беречь, словно старые раны.
И мы памяти этой верны, если помним, то значит, живем,
И звучит в сердце ночью и днем, и звучит в сердце ночью
и днем эхо, эхо войны.

Видно не суждено нам забыть, как печаталась память огнем,
Не забыть, как пришлось нам ходить по горам
под свинцовым дождем .
Как глотали мы рыжую пыль, про короткие строчки домой.
Не забыл ты, и я не забыл первый бой и последний свой бой.

И сегодня в едином строю, дорогие мои ветераны!,
Я стою, чтобы память свою беречь, словно старые раны.
И мы памяти этой верны, если помним, то значит, живем,
И звучит в сердце ночью и днем, и звучит в сердце ночью
и днем эхо, эхо войны.

— Что же ты загрустил, ветеран? И в обнимку с гитарой затих?
Спой про дом, про Чечню, про Афган, про погибших друзей,
про живых,
Эти песни слагались в боях, будут в памяти вечным огнем,
Будут петь их на всех языках, если помним, то значит живем.

И сегодня в едином строю, дорогие мои ветераны,
Я стою, чтобы память свою беречь, словно старые раны.
И мы памяти этой верны, если помним, то значит, живем,
И звучит в сердце ночью и днем, и кричит в сердце ночью
и днем эхо, эхо войны.

1989 г.

ЗАРУБИНЫ

Гудком продолжительным, длинным
Позвал меня Афганистан,
И я возвращался мужчиной
с зарубиной стянутых ран,
С девчонкою из медсанбата,
С которой делил смерть и соль,
В тельняшке, с таким же солдатом,
С сестренкой, с невестой, с женой.

Зарубины, зарубины, затянутые раны,
Зарубины, зарубины на сердце, на крови.
Зарубины, зарубины – кольцо Афганистана,
Колечко обручальное по жизни, по любви.

По жизни шагаем мы вместе,
На зло распашным Северам,
А рядом, конечно же, песня,
 про честь, про любовь, про Афган.
Повсюду дорога открыта,
И ветер в дорогу зовет,
И как продолженье – Никита
В строю наши песни поет.

Зарубины, зарубины, затянутые раны,
Зарубины, зарубины на сердце, на крови.
Зарубины, зарубины – кольцо Афганистана,
Колечко обручальное по жизни, по любви.

Вот так происходит на свете
С любовью, на зло всем смертям,
Шагает семья по планете,
 несет свои песни друзьям.
Они в каждой точке желанны,
Стране и друг другу верны.

И пусть ноют старые раны,
Зарубины старой войны.

Зарубины, зарубины, затянутые раны,
Зарубины, зарубины на сердце, на крови.
Зарубины, зарубины – кольцо Афганистана,
Колечко обручальное по жизни, по любви.

Сургут. 2.04.2012 г.

«КУРСКУ» ПОСВЯЩАЕТСЯ

Шел в галоп, не касаясь земли,
Вожакom ведомый табун,
Иероглифы гривы плели
И звучали сотнями струн.
Восемь тысяч копыт вдали
Провожал детский взгляд воспаленный,
Оставался в седой пыли
Жеребенок – рыжий ребенок.
«Где ж вы, братцы, ведь так нельзя!» –
Прозвучал его голос тонко,
И табун повернул назад,
Чтоб забрать своего жеребенка.

В поднебесье – клин журавлей,
Перелет и жесток и долог,
И курлычет маме своей
Желторотый совсем журавленок:
«Вдруг устану, не долечу,
Среди гор я седых останусь!
Знаешь, мама, я так не хочу!»
«Нет, малыш, я с тобой не расстанусь!
Если вдруг случится беда,
За тебя станет стая биться,
И запомни, малыш, никогда
Не уйдут поднебесные птицы!»

Под водою студеной лежит
Субмарина – ядерный странник.
Там мальчишки, им жить бы да жить,
Молчит капитан, бессилен механик.
«Где ж вы, братцы, ведь так нельзя,
Мы же дети твои, Россия!
Видно нас позабыли друзья,
А бороться с водою нет силы!»

Посреди своей же страны
Смерть сто двадцать ребят отсчитала,
Оказались они не нужны стае,
Что их в поход посылала.

В поднебесье клин журавлей
Плачет над волною соленой.
Скачет рядом с мамой своей
Жеребенок – рыжий ребенок.

Слова и музыка мои, а нот я не знаю.

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

«Братишка, прикрой, я пошел...» –
И в вечность шагнул из окопа.
«Братишка, прикрой!» – с неба в штопор
Горящую канул звездой.
По черному снегу воронка,
И в двери стучит похоронка:
«Я погиб под Берлином...»,
А дальше – «...посмертно Герой».

Он смотрит с улыбкой на нас,
Живой, из войны, в черной раме.
Рядом сын – командир, что в Баграме
Увел караван за собой.
Над Вечным огнем, как молитва:
Твое имя не будет забыто.
Снова в двери стучит похоронка,
Снова строчки – «посмертно Герой».

Баку, Чечня, Карабах...
Снова наших детей забирают.
Черный ангел над миром летит,
Смерть и пепел неся за собой...
Снова в пекло уходят ребята,
Но опять не найти виноватых.
Снова мамам летят телеграммы:
«Груз двухсотый... встречайте... Герой».

ГРАНИТНАЯ ТИШИНА

Кровавой варварской рукой
Из книги вырваны страницы.
Стою над тихою рекой,
И улетают в небе птицы,
Как будто не было войны...
Кабул, Герат, огни Кундуза,
Солдат афганской тишины
Герой Советского Союза.

Мне говорят вокруг: «Забудь
Кровавый дождь и смерти пламень.
Забудь, теперь уж не вернуть
Того, кто превратился в камень!»
На сером камне – имена.
За каждым именем – страница.
У них теперь своя страна,
Откуда им не возвратиться.

Не разомкнуть гранитных губ,
Чтоб крикнуть: «Мама, я вернулся!»
Ты говорила: «Крепким будь!» –
А я ушел, не оглянувшись.
В обнимку с каменной братвой
Тебе навстречу снова выйду.
За ними ты, как за стеной,
Мы не дадим тебя в обиду.

Никак привыкнуть не могу,
Что вы ушли, а я остался.
Искал я смерти на бегу
И уходил, и возвращался.
Стою в плену у тишины,
Без лозунгов и песнопений.
У серой каменной стены
Я молча встану на колени.

КОНТРОЛЬНАЯ ПОЛОСА

Воздух, словно в печи,
И ползет скорпион по бархану.
Мы в дозоре ночи,
И по кругу пески Туркестана,
«Третий» — мой позывной.
И на той стороне голоса,
И контрольная, в тысячу верст, полоса.

Полоса – догорает зарница,
Полоса – это наша граница.
Полоса – будет долго нам сниться,
Наша совесть с тобой и судьба – полоса.

40 градусов крен.
Снова шторм, за бортом восемь баллов.
Посейдон, старый хрен,
Нас грозит оторвать от штурвалов,
Разорвать паруса...
Только где ж теперь взять паруса?!
Здесь нейтральные воды –
контрольная полоса.

Ну, а где-то вдали
Теплый ливень прошел по-над домом,
Где родные глаза ждут вестей,
Где все с детства знакомо.
Мама ждет у ворот,
Тоскует тропинка в лесах...
Вот где наша граница –
Контрольная полоса.

ПТЕНЦЫ

Полыхает закат за бугром,
Тихий шепот и плач вокруг.
Речку нашу сковало льдом,
Да птенцы улетают на юг.

Ах, куда ж ты летишь, зачем?
Причитают в каждом гнезде,
Желторотые ведь совсем,
Да ответ не найти нигде.

А среди полей воронье,
Здесь питье и зерно вокруг,
Им плевать на птичье житье,
На птенцов, что летят на юг.

И пируют они в ночи,
С громким карканьем в свете звезд,
А вокруг скорлупа в пыли,
Результат разорения гнезд.

Улетают птенцы на юг,
Замолкает моя сторона.
Птичий стон, птичий плач вокруг,
А на юге — смерть да война.

ЛЕСОПОВАЛ

Обрывается песня в тайге,
И метель заметает следы,
Плач струны примерзает к руке
Над сугробами стелется дым.

Волчьей стаей бредем по тайге,
Дым со снегом, вдыхая, курю,
Двухголосьем с метелью спою
Тот куплет, что сложил вдалеке...

Лесоповал, ты судьбы моей нить оборвал,
Лесоповал, долго воле ты жить приказал,
Лесоповал, снова руки мне сроком связал
Лесоповал...

Ветер стихнет, закончится лес,
С перекличкой последний конвой,
Дверь ребята закроют за мной,
Вот только сердце останется здесь.

Ни кола, ни двора, ни оков,
На двоих с одиночеством пью,
Вижу вновь волчью стаю свою
В окружении красных флажков.

Здесь же волки гораздо страшней,
Зубы прячут под шкурой козла,
Но у них и закон и права,
Бьют друг друга и кто послабей, бей.

Только я гордо крест свой несу,
Стиснув зубы, раз веры мне нет,
И на каждый вопрос свой ответ,
Волк свободен, но только в лесу!!!

Лесоповал...

ДВОЙНИК

– Ну, здравствуй, мой дуал,
Ну, здравствуй, мой двойник.
Как здорово, что ты живешь на свете!
Я так тебя искал, благословен тот миг,
Когда тебя за гранью жизни встречал.

Я путь свой прерывал,
Но ты меня спасал,
Баюкал и зализывал мне раны.
Сквозь сон я услышал: «Ведь я же твой дуал.
Уйдем так вместе, но еще так рано».

И наступил рассвет,
И мрак зашел в тупик.
И кровь в висках пробила пробуждение.
И поднебесный свет
Вручил мне мой двойник –
Слилось преображение с отраженьем.

Я на вершину встал
И ввысь вонзаю крик:
«Люблю, тебя как солнце, дождь и ветер».
Я струны рвал, но вновь
Мне их связал двойник
И рядом встал.
А это все! Поверьте!

ВОЛЬНЫЙ РАБ

Боль и свет, воспаленный в глазах,
Искажение в кривых зеркалах.
Кровь по стенам ручьями течет,
Смерть улыбкой костлявой зовет.

Вены прячутся, тромбами жгут.
Зря их ищет стянувшийся жгут,
И шипя, ожидает гюрза,
Героином сужая глаза.

Боль, взывая, стирает слова,
Бьется об пол виском голова,
В теле мечется огненный шар,
Дикий крик завершает кошмар.

Скрипом вену прошила игла
И петлей за собой повела,
Чтоб к могиле продолжить свой путь.
Может, здесь предстоит мне уснуть.

Да не может, а, наверняка,
Ведь дорога у нас коротка,
На игле мы уходим в полет,
В мир, где черное счастье живет.

Там, где черная светит свеча,
Каждый ждет своего палача.
Кто тебя превращает в золу,
Где ты жизнь променял на иглу?

Где ты в ампулу с ядом сложил,
Все, что нажил и чем дорожил?
Сделав выбор, ты стер все вокруг,
Разбросав всех друзей и подруг.

Не построив, сумел все сломать.
Наплевал на отца и на мать.
Сам ты стал воплощением зла
В царстве рабства, где правит игла.

СУДЬБА НА КОНЧИКЕ ИГЛЫ

Холодный пот. Ночной кошмар.
Опять во сне я видел тигра,
Когтями грудь мне разорвал,
Клыками позвоночник выдрал.
«Какая боль!» – во сне кричу
И выхожу я из игры.
И в бездну черную лечу.
Судьба на кончике иглы.

Хохочут черти надо мной,
В суставы гвозди загоняя,
Две жабы черною пилой
Коробку черепа вскрывают.
Все тело в напряжение ждет
Прикосновения иглы,
В истошном крике связки рвет...
Судьба на кончике иглы.

Где взять мне сил открыть глаза?
Пустите, я хочу проснуться,
Но по руке ползет гюрза,
А до ножа не дотянуться.
И жизнь висит на волоске.
И вены скручены в узлы,
Хохочет с ампулой в руке
Судьба на кончике иглы.

А безысходный марафон
Идет по замкнутому кругу.
Игла, просвет, кошмарный сон,
Жгут снова стягивает руку.
Ты узник, ты не человек,
И шансы выжить так малы.
С тобой повязана на век
Судьба на кончике иглы.

ИСПОВЕДЬ

Всех прощаю и всех покидаю,
За спиною остался карниз,
Я прыжком все проблемы решаю
И стремительно падаю вниз.

Все забудется через мгновенье,
Горечь слез и решеток позор,
А пока я в свободном паденье
Объявляю судьбе приговор.

Пусть потом говорят, что я струсил,
Что ослаб, что ушел от борьбы,
Обойдусь от прощальных напутствий,
Ухожу от себя, от судьбы.

Никого, ни родных, ни знакомых,
Свист в ушах и вокруг пустота,
Разрывается нерв воспаленный,
Позади роковая черта.

Пусть не думают, что это просто,
Просто взять и шагнуть в пустоту,
От ответов уйти, от вопросов,
Пересечь роковую черту.

Не вздохнуть и не пошевелиться,
Я в объятья асфальта вхожу,
Надо мною склоняются лица....
Вот и все... пульса нет... ухожу!

1990 г.

БЫВШЕМУ ДРУГУ

Он стал никем, он вышел, хлопнув дверью.
А назывался крепким словом – Друг,
Я вышел вслед и замки проверил,
На случай, если он вернулся вдруг.

Теперь я правду отличу от басен,
Вот повезло, вот случай мне помог!
Сегодня ночью я полы покрасил,
Чтоб дом забыл следы его сапог.

Я поперхнулся от внезапной боли,
Я даже возразить ему не смел,
Поклялся я вернуть полпуда соли,
Что с ним когда-то по ошибке съел.

Я просто шел и думал о работе.
И даже не включил ответчик свой,
А мне, как «МИ-восьмому» на излете.
Прошил обшивку тот, кто шел со мной.

Мы соберемся ночью раскаленной,
Чтоб вспомнить тех, кто рядом с нами был,
Вдруг кто-то спросит: «Помнишь ты Димона?»
А я скажу: «Не помню. Я забыл».

Нельзя с друзьями быть таким надменным.
И знай, твой эшелон теперь ушёл.
Ты, говорят, когда-то был военным,
Но я б с тобою в разведку не пошел.

Дорогами старой России,
Скажи, за какие грехи
Идет молчаливое быдло,
А сверху стоят пастухи.

Пастух его плетью стегает,
Он с быдла три шкуры дерет,
А быдло его одевает,
Ворчит и тихонько бредет.

Работать пастух не умеет,
Он деньги считает и жрет,
А быдло подмует, согреет,
Утрется и дальше пойдет.

Пастух себе храм воздвигает,
На Запад наводит мосты,
На тачках чужих рассекает,
Минуя быдлярчи кресты.

Ему, пастуху, все доступно,
Он сам себе царь и закон.
Возьмет быдлака и пристукнет,
И новый наденет погон.

Пастух безголовый, безрукий
Не может простого понять,
Умрет терпеливое быдло,
И что ж он тогда будет жрать!?

Не может понять он простого,
Зажравшись на наших хлебах,
Что он – настоящее быдло,
А не тот, кто плетется в цепях.

С РОЖДЕСТВОМ

Волны стонут за бугром,
Шторм ликует и хохочет,
Парус в клочья, флаг узлом,
Океан чернее ночи,
Воздух соткан из воды,
Но рука штурвал сжимает,
И из шторма вынимает
Шхуну с именем звезды.

Стрелка полный круг пройдет,
Век окружность замыкает,
Что-то в жизни наступает,
Что-то вдруг произойдет,
Загляни за поворот.

Воздух порохом пропах,
Не живется мирно людям,
Повторяется в горах эхом:
«Не стреляйте, люди!»
Но не слышит бог войны
И по-новой заряжает,
Кто-то новый век встречает
Под крылом у сатаны.

Стрелка полный круг пройдет,
Век окружность замыкает,
Что-то в жизни наступает,
Что-то вдруг произойдет,
Загляни за поворот.

Со стаканом и сырком,
Мимо елки новогодней...
Знаю – нищий за углом.
Постою с тобой сегодня.
Ты прости нас, фронтовик,
За забытое былое.
С Рождеством тебя, старик,
Выпьем за здоровье!

СЛЕПОЙ

Свет, солнце, радуга, светло –
Все для меня лишь звуки.
Я знаю, холодно и знаю, где тепло,
Про все же остальное знают руки.

Шершавость нежных теплых рук,
Морщинок сеточка под влажными глазами,
Ночные вздохи, шаркающий звук –
Принадлежит все это с детства маме.

Знакомый кашель, запах табака,
Смущенный баритон из темноты.
Моя опора – сильная рука.
– Отец, я знаю, эти звуки – ты.

Язык шершавый и холодный нос,
Нет существа роднее в этом мире.
Мой поводырь – мой самый верный пес,
Мои глаза в походах по квартире.

Особая чувствительность двух рук
И звуков в голове нагроможденье,
И спектр красок, имеющий свой звук,
Все это я – слепой с рожденья.

ПОПУТЧИЦА

В занавесках сгорает закат,
Ночь задернула шторы,
За окном по асфальту плывут
Стоп-сигналы, зонты.
С прошлого четверга водопад,
Тонут мысли и споры,
Задышал неуютом уют,
Растворились мечты.

Я в ночной водопад выхожу
И вдыхаю прохладу,
В спину смотрит курящий подъезд
Под гитарный смешок,
В многоцветье ночном покружу,
Мне б развеяться надо,
Я устал от мелодий в разрез
От измученных строк.

Прилепил красный цвет светофор
На стекло лобовое,
Взмах руки, плащик, зонт и глаза,
— Вам куда? — Мне бы в порт —
Что ж, садитесь, какой разговор,
Я готов вам про все рассказать,
Чем дышал до сих пор.

Про рожденье стихов на бегу,
Про бессонные ночи,
Поиск рифмы к гитарной струне,
Горечь, страх и триумф,
Что без этого жить не могу,
Что судьба — многоточье.
Между песен, пришедших ко мне,
И что вскоре придут.

Впереди самолетов причал,
Мокнет взлетное поле,
Репродуктор ваш рейс повторил,
На местах экипаж,
Лайнер по полосе пробежал
И уносит с собою
Груз, который вы сняли с души,
Но не сдали в багаж.

БЫЛИ

Отпела свадьба и ушла, они едва-едва знакомы,
Устали пьяные друзья, они вдвоем остались дома,
И обалденные глаза смотрели только на него
И говорили я же «за», ему все это было «по».

Они прожили двадцать лет, она ему не изменяла,
Варила двадцать лет обед, носки и галстуки стирала,
Смотрела в сонные глаза, но не найдя в них ничего,
Все ж намекала, я же «за», ему как прежде было «по».

Он обрабатывал металл, он за любое дело брался,
Он как Стаханов уставал, домой почти не появлялся,
Она по-прежнему ждала, что оторвется он от дел,
И как умела берегла очаг, который уж не грел.

И жизнь, что горечью полна, однажды все же надоела,
И он был просто послан «на», она с друзьями улетела.
И отказали тормоза, не пропустив ни одного,
Она была со всеми «за», все ж остальное стало «по».

Обними меня, мишка, плюшевой лапой,
Ты не бойся, за окнами дождик идет.
Наша мама сегодня ушла с пятым папой,
И я чувствую, что до утра не придет.

Мне б сейчас молока, а тебе ложку меда,
В темноте к холодильнику страшно шагать,
Как же можно гулять до утра в непогоду,
Нам с тобою, медведь, ни за что не понять.

Мне пройти босиком, взять любимую книжку,
И тебе прочитать про бабулю Ягу,
И про верных друзей и, тогда, милый мишка,
Ты, наверно, поймешь, для чего я живу.

РАЗГОВОР С ЭЛЕКТРОВОЗОМ

Вновь от семейного порога уводит нас зеленый свет,
Летит железная дорога, и далеко еще рассвет.
Мелькают русские березы, ты мирно спишь под стук колес,
И машинист электровоза мурлычет песенку под нос.

Ну что, дружок, опять поездка, и впереди нелегкий путь,
Давай, вперед, не дергай резко, дай пассажирам отдохнуть,
Сбавь скорость, и пойдем плавнее, тут перевал, потом подъем,
Ну что, пойдем повеселее, и потихонечку споем.

И подпевают семафоры, мигая в северную даль,
Как наши деды через горы тянули эту магистраль,
Через тайгу, через болота, через простор сибирских рек
Легла железная дорога, и стал железным человек.

Про опустевшие перроны, про то, как грозною порой
Формировались эшелоны и уходили в страшный бой,
И про победу, про вокзалы, про путь домой под стук колес,
Про магистраль, что нас связала, мой верный друг, электровоз.

Ну что, дружок, осталось малость, да не ворчи ты, не гуди,
И на дорогу, на усталость ты стрелки не переводи,
Сто тридцать лет в дороге дальней, с тобой по графику идем,
А это значит: все нормально. В депо приедем – отдохнем.

10 окт., 2008 г.

ВОТ И ВСЕ

Ты подожди, я еще не доспал, не допел,
Не подходи, прочь гоню я усталость.
Пусть я устал, пусть последний звонок отзвенел,
Но ведь еще что-то сделать осталось.

Пусть я иссяк, пусть в пути многих я повстречал,
Но я пишу, кровь еще не остыла.
И не нашел, видно, я свой последний причал,
Хоть повидал все, что будет, что было.

И по вершине, по самому краешку,
По алому лезвию голой стопою скользя,
Вот, мне бы остаться, сложить свою жизнь
по песчинке, по камушку,
А эта, с косой, говорит, что нельзя.

Ты подожди, ведь не срублено то, что посажено,
В мире не хватит воды, затушить, что горит.
И для чего то, что дышит, закапывать заживо,
Ну, а грехи, что ж, Господь мне простит.

Ты уж прости, каюсь, Господи, грешен я,
Но я любил то, что вровень и что по крови,
Брал, что нельзя, но просила душа моя,
Жил вне Земли, а быть может, и вовсе не жил.

И по вершине, по самому краешку,
По алому лезвию голой стопою скользя,
Вот, мне бы остаться, сложить свою жизнь
по песчинке, по камушку,
А эта, с косой, говорит, что нельзя.

Так что ты подожди, не торопи, а лучше – не подходи!

1990 год

МЧС

Если пули, как пули, не о том разговор.
Если смерть среди праздника встретил в упор,
Надо вынуть тебя, смерти наперерез,
Я смогу, добегу, я служу в МЧС.
Выходить из огня, доставать из воды,
Находить под землей запасные ходы,
Дать тебе свою кровь, оторвать от небес,
Я смогу, я не Бог, я служу в МЧС.

День начинается, что-то спасается,
Что-то потушится, кто-то,
Кто-то, вдруг, дышит и улыбается,
Самое главное – жизнь продолжается.

Через пламя и льды, среди ночи и дня,
Чтоб достать из воды, отобрать у огня,
Предпоследний твой вздох отобрать у небес,
Я смогу, я не Бог, я служу в МЧС.
По России стоят огневые посты,
В МЧС говорят, мы со смертью на ТЫ,
Терроризм, наводнения и пламя стеной,
МЧС – на шевроне, судьба – вечный бой.

День начинается, что-то спасается,
Что-то пульсирует и заливается,
Кто-то вдруг дышит и улыбается,
Самое главное – жизнь продолжается.

Снова тревога, братишка, держись:
Будь хладнокровным и сердцем отважным,
Ведь у спасателя четкий девиз:
«Спас чью-то жизнь, остальное неважно!»

ЗАВЕТ

Догорает свеча, осветив бледный лик,
В изголовье юнец, на постели старик.
Пледа край теребит восковая рука,
Гаснет разум, но жизнь не сдается пока.
— Подойди ко мне, сын, видишь я ухожу,
Но пока кровь тепла, слушай, что я скажу:
Пред тобою лежит бесконечность дорог,
Ожидает тебя перепутье тревог,
Будет тень, будет свет, будет день, будет ночь,
Но когда жизни путь тебе станет невмочь,
Захлестнет вдруг петля, свет провалится в мглу,
Хоть по пояс в крови, но пробейся к столу,
Верхний ящик открой и увидишь на дне
Три конверта и первый прочти при луне.
Если жизнь будет всласть, полной чашею дом,
Дети, деньги, достаток, почтенье кругом,
И от славы закружится вдруг голова,
Вновь к столу подойди и запомни слова
Те, что вложены будут в конверте втором.
Ясным утром прочтешь или солнечным днем.
Дети вырастут и улетят из гнезда,
Но под крышей твоей соберет их беда.
Там, на смертном одре вспомнишь ты мой завет
И при свете свечи вскроешь третий конверт.
Все запомнил, сынок? А теперь уходи
Перед Господом я здесь побуду один.
Зашумели года, сын прошел сто дорог,
Повидал города, ночи черных тревог,
Счастье встретил, но так и не смог удержать,
От обиды решил жизнь с немилой связать,
Сын родился и в нем находил он покой,
Но к вину пристрастился от жизни такой.
Все пошло с молотка, он остался один,
Наплевать, водка есть, сам себе господин,

И однажды решив, что теперь все равно,
И что в жизни ему остается одно...
Выпил, бритву достал, ткань на венах рванул,
Но вдруг вспомнив завет, он к столу повернул.
Лист в руке свет луны освещает едва,
В воспаленный висок словно выстрел слова:
– Все пройдет, мой сынок, все пройдет, это жизнь,
Она так коротка, не дури и держись!
И вернулся рассвет в заколоченный дом,
Появилась семья, все пошло чередом...
Деньги, дети, достаток и внуков орда,
Позабыта печаль, прочь уходит беда,
И однажды собираясь на званый обед,
Сев за письменный стол, вспомнил он про завет,
И уже на ходу, подписав чей-то счет,
Вскрыл конверт и прочел: – Сын, и это пройдет!
Как сквозь пальцы стекает речная вода,
Так же и незаметно уходят года...
Догорает свеча, осветив бледный лик,
В изголовье юнец, а на постели – старик.
Угасающей памятью вспомнив завет,
Просит сына достать ему третий конверт.
А в конверте слова: – Перед тем, как отбыть,
Не забудь три конверта в столе разложить.

Октябрь 1988 года.

У ДРУЖКА МОЕГО ЖЕНА

Я сижу головой поник, что мне делать, скажи, старик?
Деньги есть, машина, жена, но мечусь я в ночи без сна,
И известен я всем вокруг, есть большой закадычный друг,
А у дружка моего жена, хороша, весела, умна,
Как пройдет да заговорит, сердце сразу замрет, заболит,
Мне б схватить ее, расцеловать,

да, вот, дружбу боюсь потерять.

— Ты скажи мне, старик, скажи, что мне делать,

как дальше жить!?

Я кричал, а старик молчал, головою седой качал.

— Был я молод, как ты, сынок, и пришел мне влюбиться срок.

Женщину полюбил я одну, да чужую, дружка жену.

А у дружка моего жена хороша, весела, умна...

И не справился я с собой, завладел чужою женой,

Как поганый полночный вор, вынес дружбе

мужской приговор.

Друг, конечно, про это узнал, посмотрел он на нас,

промолчал.

И ушел, и она ушла, скороспелой любовь была.

Что замешано на вранье, не взрастет ни в тебе, ни во мне.

Чтобы были друзья и семья, в жизни формулу вывел я.

Чтоб мужчиной достойным быть,

нужно прежде себя победить,

И вот тогда до скончания дней не придется терять друзей.

И ушел я от старца прочь, проклиная сырую ночь,

Через полчаса в пивной, с кружкой пива стоял я хмельной,

И в полуха слушая зал, за спиною вдруг услышал,

Как мой друг говорит обо мне, обо мне и моей жене...

Вот у дружка моего жена, хороша, весела, умна,

Как пройдет да заговорит, сердце сразу замрет, заболит,

Мне б схватить ее, расцеловать, да вот друга

нельзя предавать.

Надо другом таким дорожить, а без этого можно прожить.

Вон их сколько мимо идут, а друзья в горшках не растут!

— Так, что не говори ничего! Лучше выпьем за нас. За НЕГО!

Шел до дома я не спеша, шел, и пела моя душа.

Я любил всех собак вокруг, потому, что на свете есть друг.

Друг, который шагает со мной, со своей и с моей женой.

1992 г.

СТАРЫЙ ВОКЗАЛ

Прикурю-ка сигарету от спички,
разошлись уже давно санитары,
Полюбил седой вокзал электричку и признался ей
в любви дурень старый.
А она же, всякий раз уезжая, все кокетливо свистела —
не знаю,
Вот вернусь из рейса и погуляем, а пока не обещаю, не знаю...

И с тех пор вошло вокзалу в привычку,
вдалеке завидев хвостик зеленый,
Принимать на всех путях электричку,
расстилая ей платформы-ладони.
Репродукторами петь по перрону, семафорами
заглядывать в фары,
Обмывать ей теплым душем вагоны,
в общем, голову терял, дурень старый.

А она, всегда мигнув торопливо,
каблучками простучав вдоль перрона,
Просвистев вокзалу лихо «СЧАСТЛИВО»,
уносила в неизвестность вагоны.
И пустел веселый зал ожидания, переходы затихали устало,
И летел снежинок пух, оседая на обветренные губы вокзала.

Но однажды с запасных перегонов, горделиво,
очень неторопливо,
Заползли и стали 40 вагонов во главе
с красавцем локомотивом.
Ну и надо же такому случиться, пронеслась глухая дрожь
по вокзалу,
Услыхал он как торопится, мчится электричка
по больному металлу.

При подъезде просвистев по привычке,
отдыхавшись на ходу от мороза,
Прибывала на свой путь электричка, стала рядом
с новым электровозом.

И вокзал, заглянув в расписание, словно сбросив оцепененье,
Разрывая влюбленным свиданье, объявляет ему отправление.

И со вздохом – прости, дорогая, –
упираясь в пахучие шпалы,
Вдаль состав уходил, забирая ревность
старого дядьки-вокзала.
Вдруг, разрушив мечты и привычки,
позабыв все свои расписанья,
Вдаль рванулась за ним электричка, прошипев старику
на прощанье.

Скоро рельсы затихли в смущенье, семафоры
потупили взгляды,
Тихо ветер шептал в помещении:
не печалься, не стоит, не надо!

Бес вселился в безумную душу,
в безрассудном и пьяном веселье,
Он кричал – все сожгу, все разрушу!
Только в этом найду утешенье!
На путях, перепутав все стрелки, перепутав цвета семафорам,
Тупики разрушая и ветки, разрывая связь переговоров,
Запуская два встречных состава на платформу ее прибыванья,
Прошептав, что расплата настала, он спустился
в зал ожидания.

И сошлись два мазутных снаряда прямо точно
по центру вокзала,
И далекое эхо «ТАК НАДО!» улетело ей вслед и пропало.
Прикурю сигарету от спички, уж давно разошлись санитары...
Вдруг раздался свисток электрички: «ЧТО Ж НАДЕЛАЛ ТЫ,
ДУРЕНЬ МОЙ СТАРЫЙ!!!»

СПАСЕНИЕ

Если холод смертельный опустится в дом,
Если пропасть как пасть под ногами,
Если вкус табака ощущаешь с трудом,
И не сбросить паров клапанами.

Если хочется выть в этот мирный простор
От свободы, с которою связан,
И в глубоком пике засадить свой мотор,
Чтоб в башке перепуталась фаза.

Затеряться в ночи средь высоких столбов,
С незнакомками петь свои песни,
Перевернуть все слова, перепутать любовь,
Хрипло спорить о вере и чести.

Если день за окном, словно сотня ночей,
Солнце жжет, а не греет затылок,
Если вдруг ощущаешь, что ты стал ничей
Среди кукол в сплетенье бутылок.

Если вдруг понимаешь, что что-то не так,
Вены ждут озверелости бритвы,
Ты все это возьми, запакуй в свой рюкзак,
И – к кострам, там такой не один ты.

ТАЕЖНАЯ ПЕСНЯ

О делах не спрашивай меня,
Друг мой, оглянись, вокруг тайга.
Здесь, в плену осеннего костра,
Мы с тобой пропали навсегда.
Погляди на капельки росы,
На верхушки кедров погляди,
Утопи в болотине часы,
В чаще буреломной почуди.

Над головою солнце взойдет,
Куполом синим раскинется небо.
Дождик шершавой стеной пройдет,
Звоном хрустального тебя уведет
В терем сибирский,
Туда, где ты был.

Сказки в елках бродят среди пней,
Вслушайся в дыхание тайги.
Лешие, гляди, бредут по ней,
Мох косматый топчут сапоги.
Вдруг взметнется пламя над тайгой,
В тот же миг на выручку придут.
Просто нет у них судьбы другой.
Просто их лесничими зовут.

Над головою солнце взойдет,
Куполом синим раскинется небо,
Дождик шершавой стеной пройдет,
Звоном хрустальным тебя уведет,
В терем сибирский,
Туда, где ты не был.

О делах не спрашивай меня,
Отдохнул и пламя затуши,
Мы уходим в запахом дождя,
С песней в уголках своей души.
Наш поклон тебе, народ лесной,
За лазурь лесов в ладонях рек,
За ручей с прозрачною водой,
Дорогой, таежный человек.

ЗВЕЗДНАЯ ПОВЕСТЬ

В гиперкосмической дали сгорая,
По трассе звездной млечного Пути,
Созвездье Гончих Псов, щенков спасая,
Пыталось от охотников уйти.
Земная девушка желанье загадала,
Когда в весенний вечер сладких грез,
Звезда с небес сорвалась и упала —
Уставший от погони гончий пес.
Сбылось желанье девушки в тот вечер,
Когда последний луч угас вдали,
Явился к ней в обличье человечьем
Сын неба, долетевший до земли.
На шесть веков земля от звезд отстала
И сына звезд землянам не понять,
Толпа напрасно ползать заставляла
Того, кто в небесах рожден летать.
Он шел один сквозь лес непониманья,
Людей лечил стихами и душой,
Кричал в толпе всеобщего молчанья,
И в сказки верил, как щенок слепой.
Вот свадебный кортеж за поворотом
Увозит ту, что не смогла принять,
Любви со всежигающим полетом,
Увы, не каждому дано летать...
Без крова, без друзей, слагая песни,
Стучится к вам, чтоб справиться с бедой,
Непонятый, гонимый пес небесный,
Потерянный погибшею звездой.

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА

Месяц сегодня зачем-то по небу
Звезды рассыпал.
В час новогодний под белыми шубами
Ёлочки спят.
Спят и не знают, что этой ночью
Им уготовлен совсем необычный наряд.

Ветер устал и упал среди леса
В перину из пуха.
Вьюга свернулась в клубок мягкой кошкой
И тихо сопит.
Снится ей песня горной лавины,
Той, что в ущелье из прошлого года летит.

Год уходящий по чаще морозной
Вздыхая, проходит,
Каждую веточку гладит рукой,
Тихо в кронах шуршит,
В бывших угодьях порядок наводит,
В памяти бережно тайну о прошлом хранит.

Мы с тобой в этом лесу новогоднем,
Смеясь, заблудились.
В мягком пуху мы с шампанским
Под веткой лохматой сидим.
Тесно прижавшись, мы притаились,
С радостной грустью за Дедом Морозом следим.

Вот и уходит последняя ночь,
Скажем ей на прощание,
Низкий поклон за приют двух сердец
В белом храме твоём,
Старому году шепнем: «До свидания!»
В год наступающий за руки взявшись войдем.

ПЕСНЯ О СЧАСТЬЕ

Вечером звездным и солнечным днем
Чувствую рядом дыхание твоё.
Трудно с тобой и легко, ты это знаешь,
Я от тебя, задыхаясь, бегу,
Но от себя убежать не смогу,
Как хорошо, что ты понимаешь.

Доброе утро тебе подарю,
Очень люблю я улыбку твою.
Ты каждый день провожаешь меня и встречаешь,
Очень хочу я признаться тебе.
Что всей душой благодарен судьбе,
Только за то, что ты меня понимаешь.

Нежно за плечи тебя обниму,
В доме тепло и слова ни к чему.
Губы мне теплой ладошкой своей прикрываешь.
Не было в мире заветной мечты,
Лишь бы всегда была рядышком ты,
Знаешь, как здорово, что ты понимаешь.

Осень листок календарный сорвет.
День нашей свадьбы с листка подмигнет.
Ты снова невестой гостей на пороге встречаешь.
Пусть за столом запоем балаган,
И средь застолья признаюсь друзьям
В том, что я счастлив, что ты меня понимаешь.

Домик наш шумных друзей проводил,
Мы потихоньку еще посидим.
Ты, улыбаясь, в уме поздравленья считаешь.
Все мои песни тихонько споем
И просидим до рассвета вдвоем,
Спасибо, родная, что ты меня понимаешь.

ТРИ НА ЧЕТЫРЕ

Как хорошо было в старой квартире!
Вот бы вернуться, начать все с начала.
В маленькой комнате, три на четыре.
Где до утра шестиструнка звучала,
Как мы любили, как счастливы были
В маленькой комнате, три на четыре.

Птицы с утра на окошко слетелись.
Все пополам, перемножено на два,
Мы просыпались и целовались.
Мы есть, друг, и друга другого не надо...
Что говорить, как мы счастливы были
В маленькой комнате, три на четыре.

Но что же случилось, что же сломалось?
Ордер в кармане, ключи от квартиры.
В стареньком домике что-то осталось,
В маленькой комнате, три на четыре.
Вещи забрали, но что-то забыли
В маленькой комнате, три на четыре.

12 СЕНТЯБРЯ

Все сокровища собираю
И сложу их к твоим ногам,
Пройдусь по соседским садам,
Все розы тайком уведу.
И дождик затихнет вмиг,
Собаки прикусят язык,
Поймет самый злой сосед
Зачем мне цветы чуть свет.

12 сентября двенадцатый раз постучало,
12 сентября судьбою моею стало,
12 сентября друзьям за столом станет тесно,
12 сентября мы снова жених и невеста.

Горит на столе свеча,
Виит за окном луна,
В ладони тепло плеча,
Много лет ты моя жена.
В лепестках от роз рядом я,
Друзья, да наша семья,
Соседям в ночи не спать,
А нам новый день встречать.

Затихнут шаги в ночи,
Спою я, а ты промолчи,
Струна да огонь свечи
И ни к чему ключи.
Песни, гитара, друзья,
Ты, наш очаг и я.
Часы на столе, тили-бом,
Домашним согреты теплом.

Я с тобой прожил тысячу дней,
Сотню бессонных ночей,
Я строил любовь из сырых кирпичей,
Ты без меня сумей.

Я в твоих венах искал свою кровь
И называл своей.
Ты изменив, растоптала любовь,
Теперь без меня сумей.

На перепутье поляну нашли,
Ели малину на ней,
Мы пол-России с тобою прошли,
Ты без меня сумей.

Ты уходила, меня увезли,
«Не надо!» – молил я врачей,
Зашили, вернули, я выжил, прости,
Ты без меня сумей.
Ты в шоколаде, я как-нибудь,
И на другом берегу
Ту сотню бессонных ночей не забудь,
Я без тебя не смогу....

ТЫ НЕ БРОСАЙ НАС ИЗ ТАМБУРА ПОЕЗДА

Ты не бросай нас из тамбура поезда.
Ведь это погода тебя не простит.
Не замыкайся в смятении поиска,
Поезд уходит, и время летит.

Правды с неправдой переплетение.
Хочешь, не хочешь, но переплелись.
Звуки, как муки бесцельных велений.
Тени в трехцветьях, но все-таки жизнь.

Что-то в бокалах прошлого мало.
В поисках рифмы в желаньях былых
Падали мы, но судьба нам сказала:
«Не оставляйте любимых своих!»

Выжженной ночью вырваны с корнем,
В противостоянье на грани огня.
Сердца не хватает, чтобы помочь нам,
Не оторвать мне себя от меня.

Пусть наплевал ты на страх и на поиски,
Пусть серебро с лебедой пополам,
Лучше сойди с безысходного поезда
И загляни на минуточку к нам.

ТОЙ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

Никогда тебе писем моих не прочесть, никогда.
Никогда не узнать, что на свете я есть, никогда.
Никогда не увидеть лица моего.
И не встретишь в подъезде ночном никого
Никогда, никогда...

Никогда ты от мамы тайком не сбежишь никуда.
В телефонную трубку в ночи промолчишь, не беда,
Никого сквозь стекло не помнишь в ответ
И в трамвае ночном ты не купишь билет
Никогда, никогда...

Никогда я тебя про себя не спою, никогда.
И букет в день рождения не подарю, никогда.
Никогда под окном мне твоим не стоять,
И к друзьям никогда тебя не ревновать
Никогда, никогда...

Будет плакать метель, листопад под ногами шуршать,
Будут звезды светать, календарь нашей жизни листать.
Только ты слов заветных не скажешь, любя,
Потому, что я придумал тебя.
Я придумал тебя...

СТЕНА

Звуки с утра дотемна,
Шаг и глухая стена,
А на глазах пелена,
За спиной руки связаны.
Знак в середине пути,
Некуда больше идти,
И не понять за какие грехи
Мы наказаны.

Но, где-то живут колдуны,
Где-то сбываются сны,
Птицы летят в небесах,
И вольно дышится,
Мысли свободный полет,
Счастье в квартирах живет,
И нет в помине стены,
И песни пишутся.

Где-то срывается плач,
На пьедестале – палач,
А на бумаге слова,
Словно звуки размытые.
Шаг и глухая стена,
А за стеной тишина,
Радость, удача, стихи,
Песни нами забытые.

Страх, отраженный в глазах,
Лица в кривых зеркалах,
Серые тени
В каменных джунглях скрываются.
Шаг и глухая стена,
Может, навечно она
Чьей-то безумной рукой воздвигается.

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Может быть, на удачу, а может, на горе,
На нейтральной черте, в бархате сентября,
Заглянул я в глаза цвета теплого моря,
И они словно в омут утащили меня.

Что же делать теперь, может, в табор к цыганам,
Старой бабке-цыганке пошептаться в платок,
И про беса в ребро и про соль, и про раны,
И что шапка как шапка, да Сенька не тот.

Что на склоне судьбы привалило вдруг счастье,
Да такое большое, что и не унести,
Разложи-ко, цыганка, колоду на масти,
Расскажи, только честно, что будет в пути.

Про бубновую жизнь, про друзей под крестами,
Про чужой интерес, про пиковую ночь,
Про червонную даму с большими глазами,
От которых уйти ты должна мне помочь.

— Нет, — ответит цыганка, — мне и денег не надо,
Но от этого, милый, мне тебя не спасти,
Ведь глаза тебе эти — не беда, а — награда,
И тебе этот крест, видно, долго нести.

ДВЕ СУДЬБЫ

Две судьбы, два маленьких котенка
Разбежались по большой земле,
Несмышленные, две маленькие тени
Раздавила жизнь не по злобе,
И теперь по темным переулкам
Ищут те любимые следы,
а следы стирают ночью гулкой
Кованные злые сапоги.

С кем ты, мой малыш, мой милый котик?
С чьих ладоней принимаешь хлеб?
Кто сидит на корточках напротив?
Гладит и мурлычет нараспев?

У меня по-прежнему заботы,
Где достать хоть корочку к утру,
И обида рвет, так рвет до рвоты,
Что я слышу по ночам не ту,
Что ушло с тобой тепло из дома,
За окошком сыплет темнота
И обидно, что из котенка
Превращаюсь в серого кота!!!

Я кричу в ночи в суровый город:
— Знай, что был перед тобою чист.
Где ж ты, потерявшийся котенок?
Тишина. И новый чистый лист.

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР

Я ворвался в тебя словно ветер,
Ты явилась во мне воскресеньем.
Смотрят звезды с небес с удивленьем,
Ты – спасенье, а я – отраженье.

И звучит в ночи Страдивари
Под умелой рукой маэстро,
Замолкают в округе оркестры,
Я – маэстро, а ты – невеста.

Что с того, избита дорога,
И последний приют неизбежен?
Ты – волна, я – твоё побережье.
Я – художник, а ты – надежда.

Ревность в скалы ударит глухо
И растает в горах эхом звонким.
Постою, покурю в сторонке.
Я – мальчишка, а ты – девчонка.

Тучи я разведу руками,
Снова выйду к тебе навстречу.
На руке твоей стану колечком.
Мы – мгновение, мы – это вечность.

ОДИНОКИМ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Когда-нибудь у вещего порога
Прощенья будешь ты просить у Бога,
И ОН решит, верна иль не верна,
Прощай навек, мой Ангел – Сатана.

ОН видит все, я был с тобою честен,
Берег семью, в любовь играли вместе,
Но кто-то вдруг решил, что все не так
И нужно разорвать сей нежный брак.

Добился своего, он, видно, воин,
Такой герой и впрямь тебя достоин,
Умен, красив и в полночи здоров,
Забыла ты стихи мои и кров.

И в омут этот с головой упала
И наплевать на то, что растоптала,
Перешагнув через любовь и нежность,
Ушла к деньгам, в пустую безмятежность.

Что ж, видно, так устроен свет,
Любовь навеки бродит однобокой,
Один из пары, вечно одинокий
В толпе таких же будет ждать ответ.

Не потому, что потерявши плачем,
И то, что мы имеем не храним.
Навеки, видно, рок семье назначен
Кому-то быть любимым, иль чужим.

ОДИНОЧЕСТВО

Красное солнце над синей водой – к ветру,
Звезды погасли, рассвет золотой – к свету,
Шмель полосатый с зеленой травой – к лету,
Розовый бантик с белой каймой – к детству.

Синею пастой на белом листе пишешь,
Что-то тревожно в густой пустоте ищешь,
Ночь фиолетовая за стеклом бродит,
Черный прохожий за серым столбом вроде.

Красный кисель и зеленый салат – вкусно,
Толстая книга, махровый халат – грустно,
Серые люди, слова невпопад – звуки,
В белом проеме – черный квадрат – муки.

Синие вены, красный надрез – остро,
Холмик зеленый, березовый крест – просто,
Розовый дым и с разных сторон – хохот,
Белый один среди черных ворон – плохо.

18.05 2010 г.

ОСОКА

Закончен роман, начинаем от печки,
Зеленой травой петля заросла,
Пойду на рассвет и спрошу я у речки,
Что было со мной, и она кем была.

И речка моя мне прошьет побережье,
Пусть истина эта пройдет сквозь года,
Уходит февраль, остается Надежда,
И пусть этот май не всплывет никогда.

И речка моя саблезубой осокой
Прочтет мои мысли, металлом звеня
Взведет мои вены и девственным соком,
Простив, не порезав, наполнит меня.

Я тихо прилягу у синей протоки,
Взгляну в облака и рассею туман,
Впитаю в себя долгожданные соки,
Прозревши, пойму, где судьба, где обман.

Спрошу у осоки за кровь и за стоны,
Ведь ты не убийца, ты просто трава,
Ответит она – я добра для иконы,
Но резать дерьмо, извините, права.

СЕРЕЖКИ

Я растерялся, я один, ах, как я к этой воле рвался!
И раб себе и господин, и полубог, и Алладин,
Свободным ветром нахлебался!

Какая прелесть, надо мной ни топора, ни визга дрели,
Ни денег, что всю плешь проели, ни слез в обнимку со струной!
Нет никого, нет даже кошки, которая ушла с тоски,
И чистые в стакане ложки, лежат забытые сережки
Четвертый день, а может, ты забыла их, с утра как белка,
Летая с чашкой босиком, и хохоча грозила стрелке своим
 прелестным кулачком,

Ты одевалась постепенно, а стрелка замыкала круг...
Врывался день обыкновенный. Последний взгляд. Пока...
И вдруг! Дубиною двадцатитонной я тишиною оглушен.
Квартира, коробок бетонный. СВОБОДЕН!!!

Разве это ДОМ?! Опять работа, стройка, пиво, бесцельно
 прожитые дни...
Сережки... так лежат красиво. Наверно, все же не твои.

2007 z.

ЗИМА

Вот и снова ветром землю сковала,
Спят леса и дома под одним одеялом,
След под снегом за мной языком заметаает,
Снег ложится пластом и не тает, летает...

– Эй, прохожий, постой, хочешь песню спою,
Я в порядке, я третью неделю не пью,
Да куда ж ты, постой, не сходи ты с ума,
Видно, сердце тебе застудила зима
И на каплю тепла не хватает ума,
А над городом синих снегов кутерьма,
А по городу вместо домов – терема.

Растворился в зиме незнакомый прохожий,
Почему же мы стали друг на друга похожи,
И на семьдесят лет нас сковала зима,
В нас на семьдесят лет поселились метели,
Хоть беги, хоть кричи, далеко до капли.

Но не вечна зима, вновь вернется тепло,
Отогреет сердца, разным ветрам назло,
И для этого стоит бороться и жить,
Отдавая тепло, людям что-то дарить!

МЕЛАНХОЛИЯ

У каждого из нас есть шанс,
Шанс, чтобы задержаться в этом мире,
Он иногда проходит мимо нас,
И остаешься ты один в квартире.

И этот дом становится чужим,
И тиканье часов как стук кувалды,
И ты в квартире словно пилигрим
В углах своей невыплаканной правды.

Холодная постель, ночной кошмар,
Подушка, сохранившая дыханье,
Свеча, гаданьем свившая нагар,
Раскинутые карты в ожиданье.

Бегущий день, в ночи паденья взлет,
И снова звуки, в слове – провиденье...
Но солнце по утрам опять встает,
Разбрасывая ложь и тень сомнения.

Моя печаль, мой крик и мой каприз,
Моя судьба, ты жизни приложенье,
Я узник твой, зацепка за карниз,
К звезде летящей светопродолженье.

Я ненавижу в чаше волчий вой,
Люблю над полем яркие зарницы,
Я – пилигрим и странник верный твой,
Мой шанс, он вряд ли повторится.

ЛЕНА

Закат спускается все ниже,
Часы пробьют 12 раз,
Четвертый день тебя не вижу,
Но вдруг сегодня, вдруг сейчас

Хлестнет по нервам телефон,
Как будто вырвавшись из плена,
Коснется сердца имя Лена,
Дай Бог, чтоб это был не сон.
И нервы собраны в комок,
Ответить что тебе – не знаю,
Шепнуть: – Я жду тебя, родная, –
Я от волнения не смог.

Вся жизнь из сбоев и погони,
Остановиться б хоть на миг,
Настанет день, устанут кони,
Но вновь в эфире словно крик

Хлестнет по нервам телефон,
Как будто вырвавшись из плена,
Коснется сердца имя Лена,
Дай Бог, чтоб это был не сон.
И нервы собраны в комок,
Ответить, что тебе не знаю,
Шепнуть: – Я жду тебя, родная, –
Я от волнения не смог.

Пройдут дожди, уйдут ненастья,
Когда судьба отыщет нас,
И будет дом и будет счастье,
Но в памяти еще не раз

Хлестнет по нервам телефон,
Как будто вырвавшись из плена,
Коснется сердца имя Лена,
Дай Бог, чтоб это был не сон.
И нервы собраны в комок,
Ответить, что тебе не знаю,
Шепнуть: – Я жду тебя, родная, –
Я от волнения не смог.

ПЕРЕД СНОМ (Ответ на колыбельную)

Я глаза потихоньку закрою,
Положу медвежонка с собою,
Поудобней улягусь в кровать,
И ладошки сложу под щекой.
Расскажи-ка мне, мамочка, сказку
Про весну и про вьюгу в апреле,
И про принца, который приедет,
Заберет меня в сказку с собой.

Расскажи мне про остров про дальний,
Где пещера и цепи стальные,
Где сидят на цепях звери злые
И нелегкую службу несут.
Где томится во тьме под замками,
За большими стальными дверями
Королева по имени ПРАВДА,
Эти звери ее стерегут.

Расскажи мне про дальние страны,
Где живет королева СВОБОДА,
Там, где дружат цветные народы
С добрым магом по имени ТРУД,
Нет ни тюрем, ни стражей порядка,
На деревьях растут шоколадки,
И на улицах, в каждой палатке
Детям жвачки бесплатно дают.

Я тебя буду, мамочка, слушать,
Зубки чистить и вовремя кушать,
Стану сильным и с принцем поеду
Королеву от смерти спасать.
И однажды вернемся мы с ПРАВДОЙ,
С добрым магом, с надеждой – подругой,
Станут люди добрее друг к другу,
Стану я поскорей подрастать.

ПАУТИНА

Я уходил, как уходят составы,
В синюю ночь, скобяной перестук.
Ты осталась одна, сохнут травы.
Черную сеть заполняет паук.

Высохли слезы, нашлась замена,
Темные тучи сменил мутный дождь.
Но если металл заменить на полено,
Вряд ли разумным тебя назовешь.

Что ж мы наделали, что сломали?
То, что разрезано, уже не сошьешь,
Вместо души – скользкий сгусток печали,
А ты, как я вижу, Паук, все плетешь.

Видно, привыкли мы к паутине
И очень похожими стали на мух.
Вязнем все глубже в липучей рутине,
Темную сеть заплетает Паук.

СОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ

Все так же нежно смотрю я на тебя,
И ты не замечаешь седины.
Привычкам старым мы с тобой верны,
Забота повседневная моя.

А наши дети – лет ушедших свет,
Идут по жизни тропочками длинными.
Становитесь вы совершеннолетними,
И мы с тобою совершенно зимними.

К чему тут ревность, и к кому же ревновать?
С годами крепче старое вино.
Узнает внучка, будет хохотать,
Но ты меня ревнуешь все равно.

Недаром, видно, мы в этот мир пришли,
И, уходя, мы встретимся опять.
Ведь наши души будут тосковать.
В мерцающей космической дали.

СТОЯНКА В ПУТИ

Стоянка в пути, а составы проносятся мимо,
Не видно луны, звездам что ль надоело светить,
Куда же идти, стрелок светится бег торопливый,
Кому мы нужны и вообще надо ль было сходить.

Дождливо молчим, мысли выются дымком сигареты,
Пустые слова о приветях забытых в пути,
Подарком в ночи растворилась мелодия где-то
В косматый туман и теперь, хоть кричи, не найти.

Куда нас несло, где теперь зацепилась надежда,
Обрывками фраз по платформам пустынным кричать?
Но буквы из слов выпадают со стоном как прежде,
Уже не собрать и повязки с лица не сорвать.

Что ж делать теперь, в полночь терзать свою душу?
Рвать нервов струну, летаргический сон беречь?
Вокзальная дверь. Дождевик батарея просушит.
С вопросом засну – и зачем надо было сходить?

КАРТОЧНЫЙ ДОМИК

Вновь к небесам поднимаю глаза:
— Господи, кто же теперь нам поможет!
Но не понять, не простить невозможно,
Что же могли мы друг другу сказать.

Что же случилось вдруг с нашей любовью,
Дождь за окном, город, словно в слезах,
Ужас, застывший в безумных глазах,
Что ж теперь будет со мной и с тобою.

Дом заколочен, смолкли часы,
Мир развалился как карточный домик,
Нет фотографий в семейном альбоме,
Мы у последней стоим полосы.

Вот и уходит последний состав,
Руки друг другу пожмем на прощанье,
Все, никогда никаких обещаний,
И не понять кто из нас был не прав.

ЖИЗНЬ

Семь, Дзинь.
Встал, Ем,
Шаг, Скрип,
Стол, Прыг.

Миг, Стук,
Болт, Звук,
Час, Ноль,
Хлеб, Соль.

Да, Нет,
Вопрос, Ответ,
Стук, День,
Вдруг тень.

Пять, Стоп,
Душ, Хлоп,
Шаг, Скрип,
Стоп, Прыг.

Я, Эх!
Дом, Смех,
Щелк, тишь.
Ты спишь?

Нет, Стон,
Скрип, Сон,
Дзинь, Семь,
Встал, Ем.

ОДИНОКАЯ ЖЕНЩИНА

Вроде все как надо,
Тихая прохлада,
За грехи награда,
Прошное забудь,
Дым от сигареты,
Кофе до рассвета,
Но звезды упавшей не вернуть.

Плач двери скрипучей,
Может, будет лучше,
В горле ком колючий,
Брошены ключи,
Зеркало разбито,
Песни позабыты,
Только дождь в окошко постучит.

Стук колёс далекий,
Путник одинокий,
В доме сон глубокий,
Свет в моем окне,
Но не будет лучше
Той душе заблудшей,
Хоть через столетье, но вернись ко мне.

Будет снова встреча
И с шампанским вечер,
И на ночьку легче
Станет боль в груди,
Кто-то будет рядом,
Никого не надо,
Ключ на прежнем месте, приходи.

НАВАЖДЕНИЕ

День отступал, посты сдавая истоме сладостной и дерзкой.
Ночь нежно город укрывала прохладной звездной занавеской.
И вот когда угасло пламя, лишь месяц свечкой освещен,
Приходит девушке Татьяне то ли виденье, то ли сон.
По освещенному перрону весенним теплым вечером,
Где хоровод ведут вагоны, где каждый с детства куст знаком,
Она бежит светла, красива, семнадцать весен в багаже,
Восторг горит в глазах счастливых, плевать,

что за полночь уже,

И что домой ушли трамваи, да тут идти, рукой подать,
И что домой иду одна я, сняв босоножки, наплевать.
Никто не встретит, не осудит, лишь манекены за стеклом,
Мой шаг и кошки не разбудит, такая тишина кругом...
У промтоварного квартала неоновых реклам волна,
Вдруг за собою увидала неясный силуэт она...
И стал вдруг город неуютным, и ноги налились свинцом,
И мысль одна в сознание мутном, ну где же дом,

скорей бы дом...

Тут сверхъестественная сила рванула, понесла вперед,
Мимо домов, в кювет, в крапиву, ушибла ногу, а, пройдет...
Кирпичная стена барьером перекрывает марафон,
Ни помощи, ни милиционера, она спиной к стене, и он...
Вот он огромный, ближе, ближе, животный блеск

в глухих зрачках,

От страха ничего не вижу, будь проклят этот липкий страх...
Крик тишину в ночи пронзает: — Мразь, что ж ты хочешь
сделать мне?

В ответ звучало: — Я не знаю. Ведь мы столкнулись

в вашем сне...

Прекрасно, что тебя я нашел, и стало сразу всем хорошо.
Возьму гитару свою, настрою и песню спою.
Послушай меня, родная, прекрасно, что ты глухая.

Прекрасно, что с тобой я иду, иду я и матерюсь на ходу.
Дороги не выбирая, ты лужи идешь измеряя.
Люблю я тебя, родная, прекрасно, что ты хромая,

Но что же идешь ты, сшибая плечом
прохожих, а я вроде бы не при чем?
Тебя обойти не так просто, ведь ты под два метра ростом,
И морда, как дверь у сарая, к тому же еще и слепая.

А птички поют над тобой, надо мной,
идем мы, довольны собой и толпой.
Такого никогда не найти мужика.
Ты в кедах хромаешь, а я на коньках.
Мы тысячу лет знакомы, знакомы с тобой... по дурдому.

ШТИБЛЕТЫ

Ты гуляла в новеньких калошах,
Я притопал в лаковых штиблетах,
Посмотри, какой же я хороший,
Я в тебя влюбился этим летом.

Мы с тобою в лунном вальсе кружим,
Ты мне улыбаешься при этом,
Тихо шепчешь, что тебе я нужен
Осенью, весной, зимой и летом.

Звезды догорели и пропали,
Соловьи охрипли у рассвета,
Мы с тобой в большом стогу упали,
Рядышком калоши и штиблеты.

Умывалось солнце спозаранку
Я иду в росе, в руках штиблеты,
Ты шагаешь – платье наизнанку,
Вслед тебе смеется наше лето.

У калитки нас с тобой встречала
Мама, ну, а мне теперь, наверно, теща,
Нас с тобою лето обвенчало
В спелом стоге соловьиной рощи.

СЕРЕНАДА ПОД БАЛКОНОМ

Невозможно прожить без тебя мне
И горькую пить.
Не хочу возвращаться к тебе,
Чтобы вновь уходить.
Но опять у костра твоего
Душу грею свою.
И, настроив гитару,
Соседей пугая, стою.

Ах, выйди на балкон! Ах, выйди на балкон!
Услышь меня, и я тебе спою
Про сердца перезвон, струны полночной стон –
И ты поймешь, как я тебя люблю.

Не могу я поверить теперь,
Что тебе все равно,
Снова к старому клену приду,
Чтобы крикнуть в окно.
Не завянет оставленный мною
На пороге букет.
И не смолкнет в ночи
Плач гитарной струны моей. Нет!

ДЕНЬ ТОРГОВЛИ

В этот теплый день весенний
По привычке – в магазин
За картошкой, за печеньем
Мы идем в приют витрин,
И навряд ли кто-то вспомнит,
Поднимая свой улов,
Что сегодня День торговли,
Праздник наших продавцов

Возле касс, считая сдачу
И кивнув вам на ходу,
Пожелаю вам удачи
В этот лучший день в году,
Чтобы звонкою монетой
Каждый день звенел для вас,
Кто для нас зимой и летом
У прилавков и у касс.

Я желаю вам здоровья
И счастливых долгих лет,
Чтобы радости с любовью
Был большой ассортимент.
Я иду жую конфету
У прохожих на виду.
День торговли, значит, это
Самый вкусный день в году.

1998 год.

60 ПАРАЛЛЕЛЬ

Я вас прошу, на минутку забудьте,
Что есть на свете еще города,
Если хоть раз побываешь в Сургуте,
То не забудешь его никогда.

Сквозь белые ночи, сквозные метели,
Переступая бездонье болот,
На шестьдесятый живет параллели,
Однопараллельный и славный народ.

Пусть все наречья переплетутся,
И полетят над сибирской рекой,
Пусть параллельные песни сойдутся
Про общий дом, что Югрою зовем.

Соединяясь над городами,
Радуга в небо метнет акварель,
Где б мы ни жили, но всюду под нами
Шестидесятая параллель.

В небо Сургута сегодня, как пламя,
Флаги взметнулись больших городов.
Пусть же навечно сияют над нами
Вера, Надежда, Югра и Любовь.

11.06.2011 г. (6 ч. 47 мин.)

ПЕСНЯ О СУРГУТЕ

Ты в другие меня города не зови,
Под полярной звездой, проложив свой маршрут,
Среди белых снегов и крутых холодов
Затерялся на карте мой город Сургут.

Из далеких краев, из больших городов,
Снова крылья на Север меня понесут,
Я смотрю с облаков на огни факелов,
Наконец-то я дома, мой город Сургут.

Ты учил нас дружить и теплом дорожить,
Пусть под небом твоим будет мир и уют,
И в далеких краях помню я о друзьях,
Что остались в Сургуте, там, где меня ждут.

И пускай говорят, что ты крайний, а мы
Прилетаем сюда лишь за длинным рублем,
Тот, кто здесь не бывал, ничего не видал,
Ты судьбы моей пристань, мой северный дом.

Слова и музыка Михаила Долгополова.

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, СУРГУТ

Сегодня как-то стали вежливы машины,
И по-особому окрасил листья лес,
И стали так сосредоточены мужчины,
А сургутянки так похожи на невест.
А может, лето и к тому же, воскресенье,
А может, солнце в небе этому виной?
Да это просто у Сургута день рожденья,
И на год старше стал любимый город мой.

Припев:

С днем рожденья, Сургут, с днем рожденья,
Будь здоров, будь красив, будь богат!
С днем рожденья, Сургут, с днем рожденья,
С днем рожденья, мой северный град.

Поднимем тост за мир, за дружбу, за удачу
И за здоровье мирных жителей твоих,
За новостройки, за твои электромачты,
За нефть и газ, за ритм и силу буровых,
За молодежь твою, за ветеранов,
И – третий тост за тех, кого уж с нами нет,
За речку нашу, за таежную поляну,
За звон малиновый, за мирный твой рассвет.

Припев:

С днем рожденья, Сургут, с днем рожденья,
Будь здоров, будь красив, будь богат!
С днем рожденья, Сургут, с днем рожденья,
С днем рожденья, мой северный град.

Слова и музыка Михаила Долгополова.

ГОРОД

*Моему родному городу Баку
посвящаю*

Ах, как я угадал, а мог бы не успеть,
И все могло бы быть совсем иначе,
Летел и, словно знал, что встреч не будет впредь
И вот теперь пишу, а сердце плачет.

В тревожной тишине встречал меня Баку,
Мой город, что делил со мною детство,
Твоих ночных огней забыть я не могу,
Любовь моя и боль — твое наследство.

Здесь на семи ветрах, как пальцы на руке,
Пять неразлучных братьев выростали.
Не выразить в словах своей любви к тебе,
Ты город наших песен и печали.

Мечетей купола, ладони площадей
И крепостной стены крутые плечи,
Для пятерых парней ты не жалел тепла,
Мой город, как я ждал с тобою встречи.

Но что случилось вдруг, мой город, расскажи,
Кровь на руках и плач не утихает!!!
По улицам твоим смерть вороньем кружит,
За что, скажи, брат брата убивает!!!

За что такая боль, что сделали тебе
Пять добрых, славных, озорных мальчишек?
Остались мы вдвоем, нет пальцев на руке.
Очнись, мой город, разве ты не слышишь!?

Так будь же проклят ты, ты тот, кто не сумел
Предотвратить кровавую расправу!!!
Растерзаны слова, изрезаны мечты
И вряд ли ты вернешь былую славу.

ГИМН ГОРОДУ

Спасибо тебе, мой город,
За то, что ты стар и молод,
Что схожих таких и разных
Под небом одним собрал,
За зверя в лесу и птицу,
За нефтью умытые лица,
За то, что в жару и холод
Нам домом уютным стал.

А там, где трескучий мороз,
А там, где созвездье берез
В Сургут по дороге таежной
 приходим мы,
А там, где поют купола,
Как день, ночь в июне бела,
Там, где черное золото Родины,
Льется черное золото Родины.

И где б меня ни носило,
Повсюду звезда светила,
Что стала вдруг путеводной,
Мне, указав маршрут,
Туда, где в заре лучистой
Стоит над рекой сибирской
Прекрасный и величавый
Мой город, мой дом – Сургут.

ПЛАТФОРМА ПОД НАЗВАНИЕМ СУРГУТ

Я приехал из дождливых краев,
Ты живешь там, где метели живут,
Ты идешь в коротком платье своем
По платформе под названием Сургут.
А мимо мчатся поезда, поезда,
Ожидают их в пути города,
Я смотрю в твои большие глаза,
И понимаю, что пропал навсегда.

Повидал я миллион городов,
Предлагавших и тепло и уют,
Но не знал, что повстречаю любовь
На платформе под названием Сургут.
И снежинки на ресницах твоих
Прошептали, что судьба моя тут,
Обнял этот зимний вечер двоих,
Обвенчал вокзал с названием Сургут.

Много лет прошло, теперь я один,
Я решился на обратный маршрут,
Взял билет и молча дверь открыл
На платформу под названием Сургут.
А мимо мчались поезда, поезда,
Звали теплые меня города,
Покурил я и билет разорвал,
И вернулся в город, где я пропал.

Где живут твои большие глаза,
От которых убежать мне нельзя,
Где влюбленные с цветами идут
По платформе под названием Сургут,
Где встречающие верят и ждут
На платформе под названием Сургут.

Слова и музыка Михаила Долгополова.

УРЕНГОЙ

Мы сойдем на платформе,
Закутав гитары от ветра,
Растворимся в тебе,
Ты как другу мне руку подай.
Два поющих заката с тобой
Проведем, два рассвета,
Ты нас вместе собрал,
Как в палатке одной фестиваль.

Уренгой, мы костром твоего фестиваля согреты,
Пусть в огне благородном сгорят неприязнь и вражда,
Я тобой опьянен и признаюсь тебе по секрету:
Я частичку костра украду и с собой увезу навсегда.

Сколько песен слышал ты
И сколько еще будет спето,
Пусть на годы твои с удивленьем
Глядит календарь,
Но твоей теплотой, посчитай,
Пол-России согрето,
И гитарной струной до Карпат
Пролегла магистраль.

Нас умчат поезда,
На платформах оставив стаканы,
И гитары устало припомнят
Последний аккорд,
Снова ветер в лицо, только
Слез я стесняться не стану,
— До свиданья, родной,
Снова песня в дорогу зовет.

МЧС

Я скажу вам принародно
Что такое ум и честь.
Благодарность от народа
Вот, что значит МЧС.

Чтобы дом не развалился
И стоял во все века,
Здесь нужна пренебреженно
Очень твердая рука.
И заведует всем этим
Не какой-нибудь пацан.
Он – полковник, он – Евгений,
Он – Васильевич Гуцан.

Прибивает, лепит, красит,
На работу, словно в бой,
Домовой наш дядя Вася –
Подполковник отставной.

Постоянно под рукою,
Им гордится вся страна,
Никому не даст покоя
Дядя Федор – СТАРШИНА!

Держит все под напряженьем,
Всем электрикам пример,
Наш светило – Тимофеич,
Не гляди, что пенсионер.

Без воды вас не оставит,
А если что, закрутит кран
Водяной, а по-японски –
Сам Вадим – сантехник-сан.

Скажем дружно: – СЛАВА! СЛАВА!
Дорогая МЧС !
Ты цвети пока, держава,
Дай спасателям поесть!

ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО

Идем по рассвету у края тайги,
Пугая лесное зверье,
В тайге измеряют мои сапоги,
Нелегкое счастье мое.
Мы словно в разведке, приятель, с тобой,
А значит, не стоит зевать,
Мы снова вгрызаемся в шар голубой,
Чтоб в недрах его отыскать.

Черное золото, черное золото,
Всем нужно вверх, ну, а нам нужно вниз.
Черное золото, черное золото,
Черный фонтан так и просится ввысь,
Черное золото, черное золото,
Это романтика, это друзья,
Это звенящий фонтан, словно колокол,
Это моя нефтяная семья.

Нас солнце изжарит, снега заметут,
Забелит виски седина,
Но мы не закончили этот маршрут,
Мы снова в пути, старина.
Гляжу с вертолета, дорогой назад,
В зеленую карту тайги,
Как годы, мои буровые стоят,
Где наши прошли сапоги.

ЖИЗНЬ – ТЕАТР

*Всем моим друзьям по сцене
посвящается*

Маски, театр, любовь и злодейство,
Храм отражений – моя обитель,
Стрелы сатиры, триумф лицедейства
Дарим тебе, благородный мой зритель.

Мы начинаем. Мой выход, смотрите!
Еще неизвестно, чью маску надену,
Но если во мне вы себя разглядите,
Значит, не зря выхожу я на сцену.

Я снова смотрю в этот зал,
И роль мне учить ни к чему,
Я маски с лица не сниму,
Еще я не все сказал.

В свете софитов, под звуки оркестра,
Высмеем глупость, подлость накажем,
Шуткам и песням – центральное место,
Зритель, тебе о тебе же расскажем.

Занавес, все, отгремели фанфары,
Зал опустел, рампа веки закрыла,
Рюмку вина маска выпьет устало,
Рядом слеза и улыбка застыла.

ЗАСТОЛЬНАЯ

Если мне невмочь, и если все не ладится,
И если дрожью бьет гитарную струю,
Соберу друзей, и пусть они рассядутся
За моим столом, им руки протяну.

Будут впереди тревоги и сомнения,
Только я прошу у бога одного.
Чтобы для друзей я тоже стал спасением,
Больше мне не нужно в жизни ничего.

Пусть мои друзья, похожие и разные,
Не перестают стучаться в эту дверь.
Приходите все в дни черные и праздники,
Знайτε, я смогу вас песнями согреть.

Будут у меня, не признавая старости,
Двери и душа открыта для людей.
Друга потерять так легко по слабости,
А приобрести значительно трудней.

«ЧАСТУШИКИ»

Я стою на сцене пьяный и коверкаю мотив,
За столом сидит Татьяна и Евгений супротив.

Это вам не трали-вали, это вам не eshkin кот,
Тридцать лет они шагали ногу в ногу, взад вперед.

В Новый год мы ходим в баню, под Свердловском, ближний свет,
Там вода «закаковела», Дмитрий нам сказал, сосед.

На японской иномарке долго ехали в Ебург,
Хохотали по запарке, на ментов нарвались вдруг.

Долго нас менты пытали, че почем, едрена вошь,
Только голыми руками сургутян ты хрен возьмешь.

Отстегнули, знамо дело, сто рублей, сержант просил,
В протоколе написали, что ж ты фары не включил.

А в Ебурге обалдели, не квартира, а Китай,
Девоч семеро по лавкам, Зульфия, Лейла, Зухра... и Гюльчатай.

Шашлыки сожгли и съели, и попарили бока,
И чуть-чуть не охренели с двух канистров коньяка.

Бурогозить прекращаю, надо выпить, закусить,
А не то набьют хлебальник, надо ноги уносить.

А теперь, друзья, постскрипtum, попрошу вас не молчать,
Женька с Танькой, хватит чавкать, надо «Горько» покричать.

БАРД

Господи, научи меня слышать цвет,
Научи меня видеть с закрытыми глазами.
Господи, научи меня слушать и петь,
Научи принимать чужую боль, как свою...
И сказал Господь: «Будь бардом!»

Дорога на Запад и на Восток,
Я на перекрестке стою.
Спасибо за то, что столько дорог.
За то, что я выбрал свою.

Смотри-ка, звезда, а рядом планета,
И сколько шагать мне по ней?
А рядом гитары звучат до рассвета.
Спасибо, что столько друзей.

Друзья – это помощь, когда некуда деться.
Ты душу и двери раскрой.
Спасибо за то, что стучит моё сердце,
За то, что есть радость и боль.

А если оно сорвется, звеня,
В фальцете безумном замрет,
На том перекрестке кто-то вспомнит меня
И песню мою допоёт.

ГРУША

Качает волна гитару,
Лето, июль, костер,
Качает песня Самару,
Нескончаемый разговор.
Мы от семьи, от работы,
Сбежали с тобой на поляну,
Привет тебе, как ты, что ты,
И, каждый от встречи пьяный.

Мы собрались и быть не могло иначе,
Зовет на поляну Грушинская звезда
Я с вами, ребята, нет, я не плачу,
Просто дым от костра,
видно, попал в глаза.

Кипит в котелке картошка,
Ты в кружку мне что-то налил,
И мы знакомы немножко,
Ты выпил, а я закурил.
Поет в ночи гитара,
Эту помнишь, а эту послушай,
Как здорово, что под Самарой
Мы снова в гостях у Груши.

Нас увезет электричка,
В небо взлетит самолет.
Гитарную переключку и
Песен ночной полет
Мы увезем на кассетах
И в уголках души.
До встречи будущим летом,
Бывай, брат, давай, пиши.

«ПИСЯРИК»
(т. е. 50 грамм)

Пускай нас зовут дурдомом,
Но тут нелегко прописаться,
Окуджава, Визбор, Высоцкий
Тоже из этого братства.
Признаюсь я вам по секрету,
Что очень горжусь порою,
Что я по земле по этой
Шагаю все той же тропею.

А я из семейства бардов,
А значит, слегка ненормальный,
Была бы гитара рядом,
Да друг в кругу фестивальном,
Да солнышко чуть поярче,
Да камень под попу помягче,
«Писярик», сухарик да песня,
Мы жить не согласны иначе.

Опять нас родня ругает,
Что снова чехлим гитары,
А нас костры ожидают
Под Тындую, под Самарой.
Наматываем километры
В глухой уголочек дальний,
Нет лучше судьбы, чем этот,
Прекрасно, что я ненормальный.

Вовек костры не погаснут,
А значит, не смолкнет гитара,
Привет тебе, лес юганский,
И Грушинская Самара.
В глухом уголке таежном
И на полосе центральной
Я встречусь с дружкой похожим,
С таким же, как я, ненормальным.

ПОСВЯЩЕНИЕ

На поляне присядь на полено на...
Да послушай ты, как хреново нам.
Без прически под юного Леннона
И без имени под Миронова,
Видишь, снова тебя мы вспомнили,
Ты не пьешь, ну, а мы – по красненькой...
А акула набила оскомину,
Спой, пожалуйста, про карасика.

Ты опять поешь, что, мол, хватит нам,
Да и впрямь что-то нас расколбасило,
И Толян со своею гитарой в хлам,
Ты бы спел Карасю про карасика,
Говорят, ты был сварщиком смолodu,
А теперь что не песня, то классика...
А давно ль ты не ездил в Вологду!?
Там забыли, небось, про карасика...

МЕДВЕДИЦА

Снова по путям гололедица,
Птице и зверью в поле голодно,
Плохо медведю без медведицы
И в берлоге спать шибко холодно.

Где ж ты, половинка косматая,
Окружил тебя бы любовью я,
Приходи домой с медвежатами,
Меду ведер пять приготовил я.

То ли снится мне, то ли бредится,
Сам себе пою песню грустную,
Плохо медведю без медведицы,
Даже лапа стала невкусною.

А быть может с мордой небритою
К барсучихе взять да присоседиться,
Да она не та габаритами
И по запаху не медведица.

И бредет шатун по лесной глуши,
А вокруг пурга, гололедица,
Видно организм давит на уши,
Плохо медведю без медведицы.

г. Сургут.

«КИЛЬМАНДА»

Где то на отшибе нашей Родины
Протекает речка «Кильманда»,
Неплохая речка, с виду вроде бы,
Да течет неведомо куда.

Пароходы по реке «не ходятся»,
Хоть вода спокойна и чиста,
Даже рыба в той реке не водится,
Очень нецензурные места.

Здесь не занимаются купанием,
Неохота неизвестно где,
В речке утонуть с таким названием,
И совсем обидно – в «Кильманде».

Даже птицы, сколько б не пытались,
Пролететь над этой «Кильмандой»,
Только зря пернатые старались,
Сразу все погибли под водой.

Все, что здесь плывется и летается,
Сразу «очучается» в беде,
Или «Кильмандою» накрывается,
Или пропадает в «Кильманде».

Люди здесь работают стараются,
Посадили «кильмандовый» сад,
Всюду «кильмандяне» расселяются,
И разводят мелких «кильмандят».

Ловят бабочек и сеют одуванчики,
И живут, не ведая беды,
«Кильмандоны», «кильмандуры»,
«кильмандяйчики»,
Остальное все до «Кильманды».

Говорят, что есть на свете, вроде бы,
Дырка треугольный Бермуда,
Только на отшибе нашей Родины
Есть «похожий дырка» – «Кильманда».

НА ПОСОШОК

Ты подожди, я еще недоспал,
не допел.

Не подходи, прочь гоню я усталость.
Пусть я устал,
пусть последний звонок прозвенел,
Но ведь еще что-то сделать осталось.

Пусть я иссяк,
пусть в пути уже всех повстречал,
Но я пишу, кровь еще не остыла.
И не нашел, видно, я
свой последний причал.
Хоть и видал все, что будет и было.

И по вершине, по самому краешку.
По алому лезвию голой стопою скользя,
Мне бы остаться, сложить свою жизнь
По песчинке, по камешку,
Но это Косой говорит, что нельзя.

Ты подожди, ведь не срублено,
то, что посажено.
В мире не хватит воды потушить, что горит.
И для чего, то что дышит,
закапывать заживо?
Ну, а грехи? Что ж, Господь мне простит.

Мне уходить. Каюсь, Господи, грешен я.
Но я любил то, что вровень и что по крови.
Брал, что нельзя, но просила душа моя.
Жил вне Земли, а, быть может, и вовсе не жил.

ХРОНИКА ПОСЛЕДНЕГО ПОЛЕТА

Всех прощаю и всех покидаю,
За спиною остался карниз,
Я прыжком все проблемы решаю
И стремительно падаю вниз.

Может, скажут, кому это надо,
Что прыжком ты своим доказал,
Что-то раньше вас не было рядом
И руки мне никто не подал.

Не хочу лебезить, унижаться
И доказывать вам не хочу,
Я ушел ото всех ситуаций,
От бесчестья в бессмертье лечу.

Все закончится через мгновенье,
Горечь слез и решеток позор,
А пока я в свободном падении,
Объявляю судьбе приговор.

Пусть потом говорят, что я струсил,
Что ослаб и ушел от борьбы.
Обойдусь без прощальных напутствий,
Ухожу от себя, от судьбы.

Пусть не думают, что это просто,
Просто взять и шагнуть в пустоту,
От ответов уйти, от вопросов,
Пересечь роковую черту.

Не вздохнуть и не пошевелиться,
Я в объятья асфальта вхожу,
Надо мною склоняются лица,
Вот и все, пульса нет. Ухожу.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	3
Передо мною чистый лист... ..	6
Деревенька.....	7
Мама.....	8
Возвращение.....	9
Дорога	10
Девочка	11
Колыбельная	12
Старый парк	13
Сережка	14
Письмо президенту	15
12 строк	16
Афганец.....	17
«Икс четыре»	18
Билет в один конец	19
Крик	20
Третий тост	21
Не бывает войны без потерь	22
Фронтовые подруги	23
Двадцать два.....	24
Эхо войны	25
Зарубины.....	26
«Курску» посвящается.....	28
Замкнутый круг	30
Гранитная тишина.....	31
Контрольная полоса	32
Птенцы	33
Лесоповал	34
Двойник	35
Вольный раб	36
Судьба на кончике иглы	37
Исповедь	38
Бывшему другу	39
«Дорогами старой России...»	40

С Рождеством	41
Слепой	42
Попутчица	43
Были	45
«Обними меня, мишка, плюшевой лапой...»	46
Разговор с электровозом	47
Вот и все.....	48
МЧС.....	49
Завет	50
У дружка моего жена.....	52
Старый вокзал	54
Спасение	56
Таежная песня	57
Звездная повесть	59
Новогодняя сказка	60
Песня о счастье	61
Три на четыре	62
12 сентября	63
«Я с тобой прожил тысячу дней...»	64
Ты не бросай нас из тамбура поезда	65
Той, которой не было	66
Стена	67
Случайная встреча	68
Две судьбы.....	69
Еще не вечер	70
Одиноким посвящается	71
Одиночество	72
Осока	73
Сережки	74
Зима	75
Меланхолия	76
Лена	77
Перед сном.....	79
Паутина	80
Совершеннолетие	81
Стоянка в пути.....	82

Карточный домик.....	83
Жизнь	84
Одинокaя женщина	85
Наваждение.....	86
Сумасшедшая любовь	87
Штиблеты	88
Серенада под балконом	89
День торговли.....	90
60 параллель	91
Песня о Сургуте	92
С днем рождения, Сургут.....	93
Город	94
Гимн городу.....	95
Платформа под названием Сургут	96
Уренгой	97
МЧС.....	98
Черное золото	99
Жизнь – театр	100
Застольная	101
«Частушки»	102
Бард	103
Груша	104
«Писярик»	105
Посвящение	106
Медведица	107
«Кильманда».....	108
На посошок	109
Хроника последнего полета.....	110

Спасибо всем за помощь. Никому не пожелаю такого испытания. Такую тяжелую потерю очень трудно пережить в одиночку. Я бы не справилась, если бы не помощь наших друзей. В тяжелый момент помогали морально (звонили, приходили) и материально. Огромное спасибо. Благодаря помощи друзей и родственников выходит эта книга.

Клепиковы Сергей и Ольга,
Бойко Сергей и Ольга,
Горшковы Антонина и Владимир,
Шатиловы Александр и Анжелика,
Фроловы Олег и Виктория,
Литературное объединение «Северный огонек»,
Батуев Сергей,
Калашников Алексей,
Дорофеевы Дмитрий и Татьяна,
Кусакин Эдуард,
Француков Александр,
Ильиных Сергей,
Бабец Анатолий,
Козлов Александр,
Краснов Валерий,
Карасёв Анатолий,
ветераны Афганской войны,
так же мои дети.

С уважением Надежда Долгополова

Михаил Викторович Долгополов
О ТЕХ, КОГО Я ПОМНЮ И ЛЮБЛЮ

Сборник стихов

Под редакцией автора
Компьютерная вёрстка Пятковой С. Н.
Корректор Бумагина В. П.

ISBN 978-5-7142-1543-8

Сдано в набор 13.02.2013 г. Подписано в печать 01.07.2013 г. Формат 84x108^{1/32}. Гарнитура «Таймс». Бумага ВХИ. Усл. печ. л. 5,99. Уч. изд. л. 7,18. Тираж 500 экз. Заказ № 173.

Издательство ОГУП «Шадринский Дом Печати», 641870, Курганская обл., г. Шадринск, ул. Спартака, 6.

Отпечатано в ОГУП «Шадринский Дом Печати» комитета по печати и средствам массовой информации Курганской обл., 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6, тел. 6-33-51.

